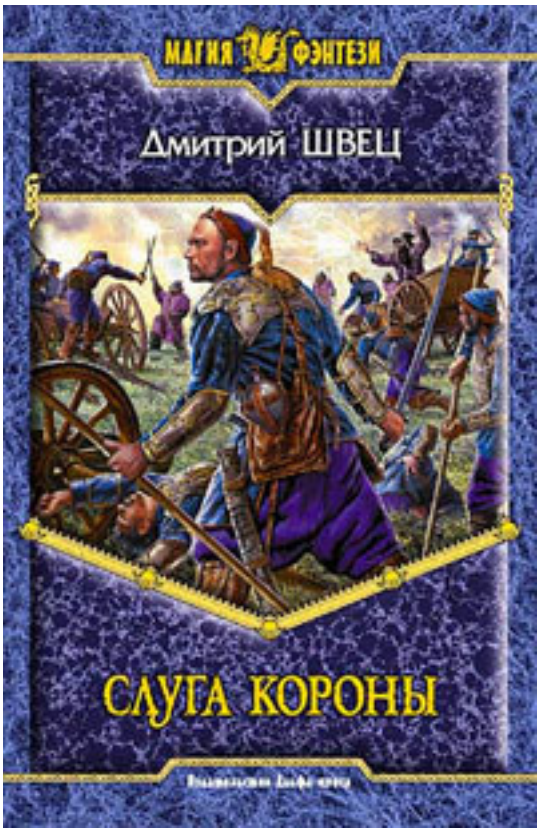
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ
Дмитрий ШВЕЦ
СЛУГА КОРОНЫ

Дмитрий Швец

Слуга короны

2007

Швец Д.

Слуга короны / Д. Швец — 2007

Если старший брат – лучший в армии вербовщик, судьба определена заранее: рано или поздно он завербует и тебя. Приятного в этом мало, но и не так страшно, ведь рядом друзья, красивые женщины – живи, радуйся! До тех пор, пока кто-то не решит получить от жизни чуть больше. И вот ты в самом центре игры, что затеял король. Из лучших, бесспорно, побуждений. Никому же не нужна гражданская война, и лучше принести в жертву одного человека, чем тысячи. Но что, если выбор жертвы тебя не устраивает…

© Швец Д., 2007

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 20
Глава 3 26
Глава 4 36
Глава 5 40
Глава 6 43
Глава 7 46
Глава 8 52
Глава 9 60
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Дмитрий Швец
Слуга короны

Глава 1
ВЕРБОВЩИКИ

Таверна оставалась таверной одиннадцать месяцев в году, а на один месяц она становилась тем, что приносило мне основные доходы. Она оказывалась местом сбора завербованных оборванцев. В этот месяц под гостеприимную крышу моего старенького, слегка косившегося в сторону городской стены домика стекались все те, кто имел неосторожность подписать контракт с армией его величества.

Они набивались в скромное жилище как сельди в бочку и шумно праздновали свою вербовку. Они уничтожали мои запасы и разносили заведение на мелкие щепки. Они били друг другу морды и покрывали пол липким слоем свежепролитой крови. Они обхаживали окрестных баб, и те отвечали им взаимностью. Они занимали все комнаты, и даже конюшня не могла избежать этого. Они были везде. Куда бы я ни шел, – всюду на меня смотрела очередная довольная пьяная рожа. Я не мог остаться один в своем доме даже на минуту. Я всегда был окружен ими.

И все это благодаря моему брату. Мой брат, Молот, – вербовщик армии его величества, и этим я не горжусь. Но он лучший вербовщик в королевстве, а это уже чего-то да стоит. Он со своей командой мотается по стране, собирая всех, кого не успел подцепить раньше. В основном это непросыхающая пьянь да искатели приключений всех мастей и расцветок. Таким стоит только немного напеть: одним о возможности пить, другим о разных странах и таинственных местах, вот они и рады. А Молот, заполучив их несчастные души, отсылает их довольные и не очень тела ко мне.

Изредка среди них попадались и добровольцы. Один из них жил у меня уже месяца два: разговорчивый веселый парнишка примерно моих лет, питался одной рыбой и часами трепался про море. Он всегда был не против поговорить и знал столько историй и легенд, что я забрасывал все дела и, раскрыв рот, слушал его. А что еще делать? Следить за пьяной, все прибывающей толпой вновь завербованных? Но мне пока еще жить не надоело. Большинство из них могли запросто прихлопнуть меня и даже не заметить этого. Я вообще стараюсь им на глаза не попадаться. Я их боюсь. А вот этого рыбацкого сына даже не опасаюсь. С ним куда как интересней, чем с бегающими по прогнившим стенам тараканами.

Мы старались не касаться причин, побудивших его шлепнуть палец под контрактом, но иногда забывались, и тогда он отводил взгляд и, опрокинув в себя кувшин вина, замолкал. Я чувствовал, что ему это неприятно, и не лез с расспросами. У каждого из нас своя история и свои секреты. У меня вон, к примеру, брат вербовщик. Тоже удовольствие ниже среднего. Если кто из обманутых рекрутов прознает про это, башку мне точно открутят. Да и зачем лезть в душу к человеку, если он того не желает. И уж тем более если его общество самое приятное, что сейчас у меня есть. Он мне нравится хотя бы тем, что не пытается уговорить меня последовать его примеру, а я в ответ не стремлюсь отговорить его.

Каждый из тех, кто оказывается здесь, имеет право на собственное мнение о вербовке, все равно это заканчивается одинаково. В один прекрасный день приезжает Молот со своими ребятами, и для перепившейся, обожравшейся, отупевшей и ничего не понимающей оравы начинаются тяжелые солдатские будни. А мы с Молотом делим премиальные, и он уезжает.

Дальше все как обычно: я владелец не самой популярной в Триите таверны, а Молот – лучший в армии вербовщик. И все рады, все довольны. Примерно одиннадцать месяцев.

Сегодня не лучший день в моей жизни. Вот завтра – дело другое, завтра, глядишь, и солнышко вылезет. Но сегодня… Сегодня моя маленькая, стоящая на отшибе, прижимающаяся к городской стене таверна будет переполнена. Вот только не радует это меня. Сегодня они опустошат подвал, они сожрут все, до последнего зернышка, и наверняка доберутся до винного погреба. Да даже если мне и повезет и погреба не пострадают, это, в сущности, неважно. Вино и без того будет литься рекой, и чем ближе будет утро, тем больше его будет проливаться на пол.

Они будут пить и гулять до самого утра. И до самого утра я не буду спать. Только когда уже не будет сил, я свалюсь где-нибудь под лестницей. А они продолжат гуляние. Тех, кто не сможет держаться на ногах, будут тащить в повозки. А когда я проснусь, таверна будет уже пуста, и об этой ночи будут напоминать только сломанные столы да выбитые зубы в кровавых лужах.

Нет, завтра тоже день хреновый, завтра мне все это отмывать.

Как подумаю об этом, аж плохо становится. После каждого такого праздника я вполне могу собрать коллекцию зубов всех цветов и размеров и прокатиться по стране, показывая их за деньги. Нет, сегодня я потребую у Молота прибавки за моральные издержки. Он, конечно, откажет и пригрозит, что найдет другого дурня с таверной. Но где это он найдет дурня, согласного терпеть всю эту ораву и такое скотское отношение к себе? Нигде! Я бы и сам на это не согласился, но мой бизнес не может меня прокормить. Все же стоит попробовать поговорить с Молотом, хотя бы для очистки совести.

Проклятье, вот ведь дрянь какая! И не бросишь все это. Без Молота с его рекрутами я концы с концами не сведу.

Я взглянул в окно, солнце торопилось на запад. Оно покраснело, словно ему было совестно за то, что будет здесь сегодня, и стыдливо зарывалось в еще необлетевшую листву. Тяжело вздохнув, я поднялся и украдкой выглянул в общий зал. В собственном доме прячусь. Дожил! Зал был заполнен самыми разными людьми и, как назло, ни одной знакомой рожи. Ну и где этот увалень со здоровенными кулаками и наглой, просящей зуботычины рожей? Давно уже должен быть. А без него и праздник не праздник.

Я захлопнул бухгалтерскую книгу и, подхватив кувшин вина из личных, пока не пострадавших запасов, вышел на воздух.

На улице хорошо. Свежо и тихо и никто не кричит, не ругается, не грозит скрутить в бараний рог. Вечерняя прохлада мягко окутала меня и освободила от запахов начинавшегося в таверне веселья. Где-то вверху медленно зажигались звезды. Скоро взойдет луна. Прекрасный вечер. Сейчас бы кликнуть милашку, что недавно переехала в дом по соседству, и просидеть с ней всю ночь, чувствуя боком ее тепло.

Мечты разбились вместе с кувшином вина у меня за спиной. Все, начинаются убытки! Я зло сплюнул и, доверив усмирение толпы нанятым мной по случаю местным бездельникам, поплелся к воротам.

Я только и успел, что привалиться к забору и сделать глоток вина, совсем небольшой глоток, как что-то большое и теплое, в широком черном плаще, повисло у меня на шее.

– Привет, маленький! – услышал я волшебный, чарующий голос.

– И тебе здравствуй! – ответил я, освобождаясь из ее объятий.

Она, улыбаясь, смотрела на меня и молчала. Я тоже не стремился нарушать тишину. Я вообще люблю тишину, а о чем говорить с Шепот, даже не подозреваю. Вообще-то правильнее было бы называть ее Шептуньей, но мой брат не любит длинных имен, и по причинам, ведомым только Молоту, и никому, кроме Молота, он сократил ей прозвище. Шепот не возражала. А чего ей? Какая разница, Шепот, Шептунья? Сути дела это не меняет. И обязанности ее те же. Подпаивай мужика, падай ему на колени и клади его голову себе на грудь, а там нашептывай и

обещай все что угодно, пока он не ткнет палец в сажу да не шлепнет отпечаток под контрактом. Вот такая у нее работа. Говорят, раньше, пока ее не подобрал Молот, она была шлюхой. Глядя на нее, я в этом почти не сомневался.

Мой взгляд невольно скользнул по ее фигуре. Она улыбнулась шире, выставила ногу вперед. Я словно зачарованный смотрел, как она оправляет платье и ткань медленно спадает с ее колена. Я открыл рот, вывалил язык и пускал слюни. Для ее возраста у нее соблазнительная коленка, но, черт побери, как представлю, сколько огромных, волосатых лап тискали ее… Еще немного – и удержаться будет невозможно. Еще немного – и я упаду перед ней на колени и буду молить о снисхождении к моей скромной персоне. Я тоже хочу присоединиться к тем, кто уже ласкал ее…

Встряхнув головой, я отступил на шаг. Шепот двинулась за мной. Подойдя на расстояние удара, она занесла руку. Я зажмурился и втянул голову в плечи. Но она лишь провела рукой по моему лицу.

– Кто-нибудь уже пришел? – спросила она, становясь ближе.

– Нет, – пересохшим ртом ответил я. – Ты сегодня первая.

– Хорошо. – Ее губы едва не касались моего уха. Черт, что она со мной делает? Я отскочил в сторону и замахал руками перед собой.

– Ну, ну, Шепот, – проговорил я, приходя в себя. – Ты силы-то побереги. Там такая толпа.

– Что мне та толпа, – ответила она, – когда ты здесь. Такой маленький и беззащитный.

В ее глазах светился недобрый похотливый огонек. Я вздрогнул, дернулся было бежать и замер. За спиной Шепот стоял маленький человечек, завернутый в точно такой же, как у Шепот, плащ. Голова малыша склонилась набок, и я кожей почувствовал, как меня буравят его глазенки.

– Это еще кто? – спросил я, стараясь сменить тему разговора. – Ты чего, гномов, что ль, разводишь? Или от тебя уже кусочки отваливаются?

– Ага, кусочек! – Шепот обернулась и кивнула. – Тебе должен понравиться этот кусочек, – и она залилась игривым смехом.

– Иди ты… внутрь, – сквозь зубы процедил я.

– Ты такой милый, – засмеялась Шепот, проведя пальцами по моему лицу.

И они ушли. Кусочек прижался к целому и маленькими шажками заспешил за ним. Неприятный, должно быть, тип, у Шепот приятных знакомых отродясь не водилось. Я не исключение.

Проводив их взглядом до дверей, я вернулся к недопитому кувшину.

– Вот это новости! – прогудел над захмелевшей головой до боли знакомый голос – Ты когда это пить начал?

Я поднял глаза. Где-то высоко вверху, в усеянном звездами небе сияла злостью перекошенная морда Молота. Он смотрел на меня, сдвинув брови и перекатывая желваки.

– Ты давай прекращай тут спиваться. Мне трезвый компаньон нужен. На хрена нам пьянь всякая? Мне и своей, в отряде, хватает. Так что ты, брат, это брось. Еще раз увижу, уши надеру.

– Да не вопи ты! – Я поднялся, пошатнувшись. Похоже, действительно здорово накачался. – Че орешь, словно я твой подчиненный?

– Ну ладно, ладно, не возмущайся, – слишком резко подобрел Молот. – Меня, что ль, ждешь?

– А кого еще?

– Что-то я, брат, не слышу радости в твоем голосе, – мрачно скосив глаза, произнес он. – Или ты мне не рад?

– Да что ты! – Я поспешил отпрыгнуть. – Рад я тебе, рад. – И протянул ему вино. – Я тебе всегда рад, – хитро улыбаясь, повторил я и добавил, дождавшись, когда он начнет пить: – Рад, как чирью на жопе.

Молот подавился и закашлялся, вино полилось из его рта.

– Тьфу ты, пропасть. – Молот, согнувшись пополам, зло уставился на меня. – Ты где словам-то таким научился?

– Так от тебя, брат, – засмеялся я. – Все от тебя.

– Ну ладно, – качая головой, сказал Молот. – Ты только Гробовщику такое не скажи. Враз уроет. А вот, кстати, и он.

Здоровенный, выше меня головы на две и раза в два шире в плечах, детина лишь слегка сбавил шаг, но задерживаться не стал, а, кивнув, протопал во двор.

– Че с ним? – спросил я.

– А ты не знаешь?

– Нет.

– Так Соболь убит, – заржал Молот.

Вот это новости, вот за них отдельное спасибо. Этот сукин сын мне никогда не нравился, от одного упоминания его имени моя челюсть начинала ныть. Теперь ни одна скотина не посмеет гоняться за мной с топором в руках и орать, что пришибет меня как козявку. Вот о его смерти я не буду жалеть никогда. Да ну его к дьяволу, сдох и сдох, туда ему и дорога.

– А ты-то чего так поздно? – спросил я у Молота. От проделки с вином да от таких новостей настроение быстро поползло вверх, надо продолжить праздник. – Небось у Мелинды засиделся?

Зачем я это спросил? Мелинда была его первой и единственной любовью, но Молот есть Молот и, обрюхатив ее, он поднял нос и смылся. Теперь всякий раз, оказываясь в Триите, он забегал к ней, чтобы подбросить денег и в очередной раз обрюхатить.

Молота перекосило, его огромные кулаки сжались, и я представил, как они безжалостно дробят мои косточки.

– Прости, я не подумал, – поспешно проговорил я, опасаясь за сохранность своих зубов.

– Да ладно, – подмигнул Молот, – я ведь и правда у нее был. Ну что, – без всякой паузы продолжил он, – пойдем поглядим на урожай.

«Урожай» в этом году впечатлял. Да что там, на моей памяти это был самый урожайный год. Завербованных можно было выстроить плечом к плечу, выгнать в чистое поле, и любой враг убежал бы только от одного их вида. Каждый из них был высок, страшен и мускулист.

– Неплохо, а? – Молот толкнул меня в бок. – Совсем недурно, совсем. Надо только от этого избавиться, вон того продать куда-нибудь на конюшню, а вон того и вовсе в первом лесу закопать. – Словно торговец, выбирающий скот, Молот почесывал подбородок и тыкал пальцем в неподходящих людей.

Выросший словно из-под земли за его спиной Дед указывал ему на тех, кого мой брат не заметил, а стоящий по другую руку непривычно сосредоточенный и молчаливый Трепа делал заметки. Бегло обсудив всех собравшихся, Молот оставил решение их дальнейшей судьбы на совести Деда и направился к Шепот. Не знаю, за каким хреном он потащил меня за собой.

Они с Шепот тихонько сели в уголке и очень тихо шептались о своих делах, а я, как полный идиот, торчал возле двери и боялся пошевелиться, дабы не спугнуть их очередную блестящую мысль. Наговорившись, они наконец решили уделить и мне немного своего драгоценного времени.

– Ну и почему ты мне не сказал? – спросил Молот.

– О чем? – опешил я.

– Обо всем этом.

– О чем об этом?

– Например, о том, что ты в долгах по уши.

– А для тебя это так важно?

– Ты же мой брат…

– И что с того? Я твой брат, но они все, – я кивнул в сторону общего зала, – они тебе дороже. Молот, перестань строить из себя заботливого родственника. Я, конечно, помню, как ты решил проблему с нашим дядюшкой, и за это я тебе благодарен. Если бы ты его тогда не отправил на свидание с отцом, я бы сейчас жил на улице. Но вот только не надо говорить, что ты бы пожертвовал своей военной карьерой ради того, чтобы спасти мою шею. – Я тяжело вздохнул, чувствуя, что погорячился. – Ты вон лучше узнай, что за гнома она с собой притащила?

Молот перевел взгляд на Шепот, и я, воспользовавшись минутной паузой, слинял. Меня била мелкая дрожь. Надо сбросить с себя это, надо успокоиться, надо привести себя в норму. Надо выпить! Ой как надо! И я выпил… воды, потому, что, уже налив вина, вспомнил, что пообещал сотворить со мной Молот, если еще хоть раз застанет пьяным. Быть разорванным на части мне пока не хочется. Да и, если честно, вряд ли когда-то захочется.

Они еще долго будут сидеть там, обсуждая сперва гнома, которого привела Шепот, а затем и прочие дела, в которые меня не посвящают. Да меня они и не интересуют. Временами, бывает, находят приступы любопытства и тогда прям-таки распирает от желания узнать, что ж такое творит Молот втайне от всех. Но это быстро проходит. Достаточно осознать, что меня интересуют только честно заработанные деньги. И пусть все соседи в округе косятся и шепчутся за моей спиной. Плевать на них! Пусть считают, что я гад и сволочь, пусть думают, что мои деньги замешаны на крови. Пошли они все к дьяволу! Попробовали бы сами владеть таверной и не жрать дня по три. Посмотрел бы я на них. Мои деньги честны, а что там творит Молот, меня не касается.

Сжимая в руке бокал с водой, я повернулся к общему залу и, придирчиво сощурив глаза, обвел веселящуюся толпу взглядом. Все было как всегда. Парни веселились вместе с теми, кого завтра загонят в казарму. Завтра они начнут ненавидеть друг друга, но сегодня они лучшие друзья. Впрочем, не все.

Гробовщик хлопнул по столу огромной пятерней и привстал. Стоя у кухни, я не слышал, о чем он разговаривал со здоровым, едва ли меньше его самого, парнем с разодранным носом, но, судя по всему, разговор этот был не из приятных. Собеседник Гробовщика вжимался в стул и бледнел все больше. А сам Гробовщик со спокойным видом угрожал ему. Парень явно не стремился сменить свою одежонку на форму, но это никого не трогало. Контракт есть контракт, и, чтобы избавиться от него, необходимо либо покалечиться, либо сдохнуть. Парень вроде был целый и уж точно живой. Можно было еще откупиться, но не похоже, что у парня есть хоть одна монета за подкладкой драной куртки. Окончательно побелев, парень смылся.

– Сволочь! – прорычал Гробовщик, останавливаясь возле меня. – Знаешь, что он мне предложил?

Я покачал головой.

– Давай, говорит, моя сестра с тобой ночь проведет, а ты мне бумажку отдашь. У меня у самого сестра, и чтобы вот так! Как думаешь, мне его сразу прибить или подождать до казарм?

– Потерпи немного, – подал голос Дед. – Там, куда мы его забираем, его быстро научат правилам поведения. Так что, Гробовщик, не суетись, он же тебе не денег предложил. А о такое дерьмо еще руки марать. Он того не стоит.

– Вот ублюдок, – продолжал бушевать Гробовщик, – я все же дам ему по зубам, чтоб думал в следующий раз.

– Ну дай, – махнул рукой Дед и вытянулся в плетеном кресле моего отца. – Только не перестарайся.

Это кресло и таверна – все осталось от человека, которого я до последнего своего дня буду называть отцом, пусть отцом мне он никогда и не был. Он нашел меня, завернутого в грязную тряпку, на пороге своей таверны и, не жалея сил, вырастил. Он никогда не делал различий между мной и своим родным сыном. Он всегда относился к нам одинаково, до тех пор, пока

Молот не сбежал. После этого отец заболел, загрустил и очень быстро угас. Он не стал любить меня меньше, просто Молот был его кровью, а я лишь приемыш.

Сидя в этом кресле, прикрыв глаза и натянув на губы подобие улыбки, Дед очень походил на отца. Та же коротко стриженная седая голова, те же небритые щеки. В груди защемило, захотелось подбежать к Деду, присесть рядом и говорить, говорить с ним. И все равно о чем. Так хочется поговорить с отцом, он всегда меня понимал, всегда слушал и никогда не отказывал в совете. Но в кресле, вытянув ноги и обняв кувшин, сидел Дед. Мне стало не по себе.

Сверху раздался томный вздох. Головы всех присутствующих повернулись к лестнице, и зал огласил радостный рык многих глоток. Только я не повернулся и не кричал, я и так знал, что на лестнице, облокотившись на перила и обводя собравшихся похотливым взглядом, стояла Шепот.

Она спускалась, покачивая бедрами. Она улыбалась и подмигивала тем, кто был внизу. Она сводила их с ума, выставив напоказ полуголую грудь. До последней ступеньки она не дошла. Карманник и Блоха возникли из воздуха и, подхватив ее под руки, понесли по залу. Представление начиналось. Она устраивала его всякий раз, и всякий раз оно било без промаха. Теперь никто не уйдет отсюда, теперь все, пуская слюни, потащатся за ней хоть на край света.

– Началось! – одобрительно кивнул Молот, высунув из кухни свою мерзкую и чертовски довольную харю. – Ну теперь держитесь, недоноски!

– Не продержатся, – выдохнул я. – Не было еще таких, чтоб продержались.

– Был. – Молот почесал кончик носа.

– Кто? – Мои глаза готовы были вылезти из орбит и найти того, кто смог устоять перед чарами Шепот. Я-то думал, что я один такой стойкий.

– Соболь не купился на это.

– Да ну? – Если он думает, что я в это поверю, он ошибается!

– Ну да, – спокойно ответил он. – Этот сукин сын заявил, что она ему, мол, совсем неинтересна. Мол, его кто-то где-то ждет и он не хочет изменять будущей жене. Бред, конечно, но Шепот от него отстала. – Молот замолчал, задумчиво глядя на Шепот, окруженную толпой исходящих слюной мужиков. – Ты знаешь, – вдруг сказал он, – мне кажется, Соболя со мной перепутали.

Я сморщился и взглянул на Молота. Ничего удивительного я в этом не обнаружил. Черт, я и сам их иногда путал. Они же похожи как близнецы! Если бы Соболь, разговаривая, так не пищал, я бы склонился к мысли, что папа в свое время неплохо погулял на стороне. Но голос Соболя был не громче комариного писка, хотя для малознакомых людей это ничего не значит, и перепутать их могли. Могли, а мог и Молот сам подставить мерзавца. Вот это больше похоже на правду. Я вгляделся в лицо брата, неясная улыбка блуждала по его губам.

– Не очень-то ты горюешь о смерти Соболя, – осторожно сказал я.

– А что, заметно?

– Заметно? Ты бы хоть улыбку с морды стер. А то сияешь как новый золотой в чужом кармане. Что будет, если ребята догадаются?

– Не догадаются, – подмигнул он, – никогда. К тому же не я воткнул нож ему под ребра. Я его не убивал. Я только вежливо попросил одного человека о маленькой услуге. И она мне ее оказала.

– Она? – Я кивнул на Шепот, разыгрывающую из себя пьяную.

– При чем тут она? – побагровел Молот. – Ты что, ты в своем уме? Чтобы я ей такое доверил?.. Нет, она, конечно, тетка надежная, но в таких вопросах лучше без нее. Поверь мне и запомни: доверяй ей, пока того требует ситуация. Да и не только ей, любой бабе. Они милы и прекрасны и твердят, что любят тебя одного, а стоит тебе отвернуться – и бам! – Он врезал кулаком по ладони. – Не доверяй никому, братишка. Никогда. Тем более бабам. – Молот

отвернулся и, перегнувшись через стойку, выудил кувшин вина. Заученным движением выбил пробку и вылил в себя содержимое сосуда.

Я покачал головой и открыл рот, чтобы отпустить едкое замечание, но Молот заговорил снова:

– Насчет Шепот. Не окажешь ли ты мне небольшую услугу?

– Убить ее, что ли? Нет, брат, это ты не к тому обратился. Убийства – это не по мне. Я, видишь ли, крови боюсь и думаю, что мертвяки за мной по пятам ходить будут. Такие облезлые, беззубые, с вывалившимися глазами. Тьфу, гадость. И если ночью такое в окно влезет… А если это еще и Шепот будет. Я и так жениться не очень хочу, а представь после такой ночи.

– Ну и фантазия у тебя, – многозначительно почесывая затылок, удивленно заметил Молот. – Раньше за тобой такого не водилось. – Я отмолчался. – Никто никого тебе не предлагает убивать, – продолжил Молот, качая головой, – тем более Шепот. – Он мечтательно причмокнул. – Помнишь того гнома, что она с собой привела? – Я кивнул. – Шепот мне напела целую историю о нем. Вот я и хочу попросить тебя пойти и пообщаться с ней, так сказать, лично.

– С кем? С Шепот, что ли? Ты же только что с ней разговаривал. Меня подставить хочешь, мало тебе Соболя?

– Да что ж ты вредный-то такой? – всплеснул руками Молот. – Я не о Шепот, я об ее племяннице. Сходи посмотри, что за девка, поговори с ней. Подойдет ли она нам. Шепот уж больно хорошо ее описывала. Ну что, сходишь? Только долго не думай, охотников на это и без тебя найдется.

Ответ дался мне с трудом, и то на слова сил не хватило, я кивнул, и Молот, удовлетворенно насвистывая, удалился. А я еще с минуту стоял, не в силах пошевелиться. Вот, значит, что так веселило Шепот, вот, значит, почему она сказала, что отвалившийся от нее кусочек мне понравится. Старая сводня, она так и не оставляет надежд женить меня на ком-нибудь, чтобы потом можно было с чистой совестью меня соблазнить. Зная Шепот, могу с уверенностью сказать, что ее не остановит и племянница.

Ища поддержки, я взглянул на Деда. Он пожал плечами и указал пальцем наверх. Похоже, Дед единственный, кто всегда в курсе всего, что творит мой братец. Но Дед есть Дед, Дед это опыт, Дед это рассудительность, Дед это все самое лучшее, что есть в вербовочной команде. Дед это вам не Трепа. Рот мелкого говоруна не закрывался ни на минуту. Он мог говорить даже во сне. Часто нес всякую чушь, но иногда, в самые удачные дни, из него можно было вытянуть что-нибудь интересное. Обычно, приезжая сюда, они запирались с Метисом на кухне и долго не выходили оттуда. Кстати, что-то Метиса я сегодня не вижу.

Тяжело вздохнув, я поплелся к комнатам.

Она стояла вполоборота и что-то рассматривала за окном. Интересно, что она может видеть в темноте, да еще и под дождем. Я осторожно вошел внутрь, закрыл дверь и прикрыл свечу ладонью. Она меня не слышала, она что-то искала на улице. Я подошел ближе, заглянул ей через плечо, задумчиво поскреб затылок, ничего, кроме стекающих по пузырю капель, не разглядел и, положив ей руку на плечо, спросил:

– Ты, наверное, есть хочешь?

За каким хреном я это сделал? Я не подумал о последствиях, я вообще редко думаю. Она заверещала, замахала руками и, сжавшись в комок, отпрыгнула к стене. Я убрал руку от свечи и дружелюбно улыбнулся:

– Тихо, девочка, тихо. Не кричи так! И не бойся меня. Не надо меня бояться. Я хозяин этой халупы и по совместительству брат друга твоей тетушки. Ты видела меня у ворот.

Она перестала кричать, наклонила голову, сощурила глазки и осторожно кивнула.

– Хочешь кушать? – снова спросил я. Она одарила меня еще одним кивком. – Ну тогда пойдем со мной!

И, развернувшись, я направился прочь. Я спускался по лестнице, ведущей на кухню, и гадал, пойдет ли она за мной. Пошла! Вон как быстро топают сзади ее ножки.

Ела она с жадностью, а я млел от удовольствия, молча наблюдая за ней. Проходя мимо, Карманник отпустил пошлую шутку, я оставил это без внимания. Пусть болтает что хочет, только бы в мой карман не влезал. Карманник он тип такой, он сопрет и небо, стоит только богам зевнуть.

– Адель, – мягким голоском представилась она, отодвигая пустую тарелку.

Боги, что это за голос! Он обвораживает, он околдовывает, он благословляет и проклинает, он обещает и убивает надежду. Я похолодел, если она скажет еще хоть слово тем же тоном, я превращусь в пса, верного только ей, ей одной. Нет! Остыть! Мне этого не надо, она же племянница Шепот, не хочется мне что-то с ее теткой разбираться. Я перевел дух. Фу, вроде бы пронесло и мне удалось не поддаться ее чарам. Или мне это только кажется?

Она заговорила снова, и на сей раз ее голосок не произвел на меня того впечатления, хотя и был прекрасен. Она рассказывала о себе, кокетливо склонив голову набок, не стесняясь строить мне глазки. Узнаю школу Шепот! Да бог с ней, с Шепот, ее племянница интересней. Она оказалась прекрасной рассказчицей, а я благодарным слушателем. За время ее монолога я не вставил и слова. Я внимательно слушал ее, я ловил каждое слово, я впитывал их. Так я узнал, что она действительно племянница Шепот. Что выросла она в деревне, а когда ее мама умерла, ей некуда было податься, из дома ее выжили зловредные соседи. Какое-то время она жила на улице, отбиваясь от заезжих охотников за деревенскими девочками, а потом пришла тетя Шепот и предложила составить компанию в путешествии. А так как идти маленькой, беззащитной сироте больше некуда, то она сразу же согласилась, ведь тетя Шепот не даст ее в обиду.

– Правда? – Она смотрела на меня чистыми, детскими глазками, и я не в силах был разочаровать ее. – Правда, – повторила она, – ведь вы не дадите меня в обиду?

– Нет, нет, что ты. Конечно же нет. – Я врал, проклиная в душе ее тетку за то, что мне приходится это делать.

Я бы мог проводить ее в общий зал и показать, чем придется ей зарабатывать свой хлеб. Мог бы, да только кому от этого станет легче? Шепот загнала свою совесть так глубоко, что теперь и не знает, была ли та вообще. Она не поймет, чего это я так забочусь о ее племяннице. Она пошлет меня подальше и скажет, что это дела семейные и не мне в них вмешиваться.

Я поднял взгляд. Адель скинула плащ и сидела вполоборота, обернувшись к окну. Я взглянул на нее и замер. Решение пришло само. Это был порыв, не более того, но я ему поддался. Крикнув – девчушке, чтобы она не двигалась с места, я рванул в общий зал.

Шепот, как всегда, была в самом центре пьяной толпы. Она наслаждалась их обществом. Похоже, ей нравится зловоние, исходящее из их глоток. Задержав дыхание, я нырнул в самую середину и, пробившись сквозь толпу, схватил Шепот за руку.

– Разговор есть! – прокричал я ей в ухо. Недружелюбные парни вокруг недовольно загудели.

Шепот улыбнулась, что-то сказала, и все успокоились.

– Пойдем, – сказала она, взяв меня под руку, – поговорим.

Мы вышли на улицу. Здесь было тише и не приходилось кричать, чтобы услышать друг друга, только в кустах кто-то жалобно постанывал и блевал. Я потащил ее дальше.

– Куда ты меня тянешь? – заныла она. – Там по мне ребята скучают. Они же тебя пришибут, если я быстренько не вернусь.

– И пускай! – прорычал я, рывком разворачивая ее лицом к себе. – Сколько ей лет?

– Кому? – Шепот мастерски разыгрывала пьяную.

– Твоей племяннице!

– Ах ей, – сморщилась она. – Почти четырнадцать. А что? – Морщины разгладились и сменились хитро сощуренными глазками. – Неужто ты на ней жениться собрался?

– Нет, – смутился я и слегка остыл. – Но как ты можешь, ты, ее тетя, отдать ее, маленькую и неопытную, на растерзание той толпы, что ждет тебя там. Они же только и способны, что драться из-за юбок да трахаться. Ей же всего двенадцать, – промямлил я. И это вместо пламенной речи, что была подготовлена за то время, что я пробивался к Шепот через толпу.

– А что тут такого? – искренне удивилась она. – Я сама начала заниматься этим, когда была в ее возрасте. Боги, как давно это было! – И на ее глаза навернулись слезы.

– Слушай, Шепот, меня твой плач мало трогает, – продолжил я, снова распаляясь. – Я знаю тебя как свои пять пальцев. Так что можешь не реветь. Но ты бы могла ей рассказать, что ее ждет на самом деле.

– Брось, – протянула она, – не твое дело, что ее ждет! И вообще, – она укоризненно взглянула на меня, – твое дело – обеспечивать наше «мясо» приятным времяпрепровождением в последние дни их свободной жизни, а не заниматься устройством чужих жизней

– Ты права, но ты обещала ей защитить ее от всего плохого.

– И поверь мне, я это сделаю, – отрезала она и повернулась, собираясь уходить.

– Стой! – в отчаянии выкрикнул я. – Оставь ее здесь. Я присмотрю за ней, все лучше, чем мотаться по миру. – Опять порыв, это все до добра не доведет.

– Посмотрим, – серьезно сказала Шепот, не менее серьезно глядя на меня. – Завтра посмотрим, – задумчиво добавила она и ушла.

А я остался на улице. Немного постоял, подставив лицо дождю, и только после того, как счел себя достаточно остывшим, поплелся в дом.

Кухня была пуста, задняя дверь сорвана с петель. Ее словно вышибли тараном, и она, покалеченная и несчастная, висела теперь на одной петле и жалобно поскрипывала. Мать вашу, неужто кто-то решил к моим погребам прогуляться? Я метнулся на задний двор. Так и есть, ублюдки, сломали мне холодный погреб, где теперь мясо хранить? Они еще и лампы зажгли, так все масло спалят. Ну все, твари, держитесь! Подобрав палку поувесистей, я решительным шагом направился туда. Земля раскисла от дождя, и до погреба я добрался почти ползком. Грязный и злой я влетел внутрь.

В первый момент я увидел лишь широченную спину наглеца, посмевшего осквернить мой погреб. Зажатые под мышками маленькие ноги я заметил только тогда, когда попавший под руку кувшин был уже в воздухе. Кувшин разлетелся на куски, а громила лишь встряхнул головой и медленно поднял руку к ушибленному затылку.

– Это что еще такое? – ошалело спросил он, разглядывая и обнюхивая свою руку. – Вино! Вот спасибо, про вино-то я и забыл.

Он обернулся, я ойкнул и осел. Бывают дни, когда все идет так хорошо, что страшно даже представить, что все может закончиться. Сегодня не такой день, совсем не такой. И чем дальше от рассвета, тем длиннее и страшнее он становится. По-моему, он вообще никогда не закончится. Я себе такого представить не могу.

Передо мной, растянув огромные, неестественно пухлые губы в злой усмешке, стоял Эркан-младший, сын самого влиятельного после губернатора человека в Триите. Собственно, их семья и была властью в городе. Им я должен не только таверну, но и себя со всеми потрохами. Зря я его кувшином по черепушке, за это и убить могут. Но на его спине же не написано что он Эркан.

– Чего тебе надо? – миролюбиво спросил он.

– Ничего, – с облегчением ответил я, еще поживем, хотел бы убить – пристукнул сразу. – Прости, я не знал, что это ты.

А в самом деле, чего я так разошелся? Ну подумаешь, решил сын теневого правителя Триита поразвлечься в моем погребке. Так что с того? Я этим гордиться должен, а на камнях,

где лежит его девка, надпись золотом сделать да всем показывать. И деньги за это брать. Вот тогда разбогатею.

– А раз тебе ничего не надо, так проваливай отсель, – тоном хозяина произнес он, я это проглотил. – Постой, встанешь у входа, – приказал он, я и это проглотил. – Нам с моей дамой хочется уединиться. – Он заржал и поднял ее за волосы, и вот этого я проглотить уже не смог.

Страх перед ним смешался с куда более реальной опасностью. Шепот не простит мне, если я буду стоять у входа и слушать, как насилуют ее племянницу, да и себе я этого не прощу.

– Отпусти ее! – произнес я, судорожно нащупывая за голенищем нож.

– Чего? – Младший замер. – Чего ты там, козявка, протявкал?

– Отпусти ее! – повторил я и. нащупав рукоять ножа, улыбнулся. – Ты не знаешь, кто она. Ты даже не представляешь, с кем связываешься.

(А сам я не знаю, как обращаться с ножом вне кухни, но меня же это не останавливает.)

– Да мне один хрен, – ответил Эркан. – Я маленьких люблю, а она такая симпатичная, в моем вкусе. Проваливай, козявка, пока не раздавил! – прорычал он, и мне бы действительно уйти, но, видно, не мой сегодня день.

Странный сегодня день, очень странный. Похоже, разум мой взял выходной, оставив вместо себя непонятные порывы да неуместное благородство. Хотя нет, расчет тут был. Мгновенный, тонкий и точный расчет. Два кувшина, один за другим, врезались ему в морду.

Эркан пошатнулся, встряхнул ставшими красными от вина и крови волосами и двинулся на меня. Если дойдет и поймает, то переломит как хворостину. С ним и Гробовщик не справится, куда уж мне. Но он неповоротлив, как и всякий большой, а я маленький и юркий. Вот я и юркнул под его руку.

Видать, я себя переоценивал. Огромный кулак Эркана врезался мне в челюсть, погасил движение и придал обратную скорость. Ворох сваленных в углу тряпок гостеприимно принял чуть живое тело. Они окружили меня заботой и вниманием, они не отказывали в ласке. Пока я приходил в себя после полета, они заботливо отгородили меня от жестокого мира своими телами.

От Эркана оградить не могло ничто. Он наклонился и зашипел мне в лицо:

– Запомни, я всегда получаю то, что хочу, а всякие козявки просто ерунда. Ты просто козявка. Ты – ерунда.

Его огромные руки потянулись к моей шее. Я схватил нож покрепче и ударил. Скорее из страха, чем понимая, что делаю. Но нож вошел между ребер, словно там ему самое и место. Эркан вздрогнул, округлил глаза, выпрямился, растерянно взглянул на меня. Прикоснувшись к ране, он посмотрел на руку и сел на пол.

– Вот козявка, – проговорил он и упал на спину.

Я вскочил и, тяжело дыша, занес над упавшим нож. Он не шевелился, а лужа крови вокруг становилась все больше. Переборов страх, я пнул его, он не двинулся. Держа нож наготове, я переступил через его руку и, наклонившись, тронул за шею. Пульса не было.

Трясясь словно лист на ветру, все еще плохо понимая, что произошло, я вернулся к своим милым тряпочкам. Они радостно приняли меня, пожалуй, не стану их выкидывать. Я смотрел на лежащее передо мной тело и ждал, что оно вот-вот зашевелится, но оно не двигалось. Зато зашевелилось другое. Адель пришла в себя, слезла с мешков, запахнулась в разорванное платье и, непрерывно всхлипывая, подошла ко мне.

– Он умер? – спросила она.

– Похоже на то, – ответил я.

– Ты убил его? – вновь спросила она.

– Да.

Черт возьми, а ведь я действительно убил. Я убил человека! Только что, всего минуту назад, он был жив, а теперь я стал убийцей. Стальные кольца сдавили грудь. Я пытался схва-

тить ртом воздух, пытался пальцами пропихнуть его внутрь, но он стал слишком густым и упорно не желал лезть в глотку. Сердце то грозило выпрыгнуть из груди, то замирало и совсем останавливалось.

И тишина, проклятая тишина. Она давит, она заставляет время стоять на месте. Она не дает ему двинуться вперед. Она, все эта проклятущая тишина. Я закричал, и мой крик потонул в тишине. Адель всхлипнула, и тишина пропала.

Я поднял на нее глаза. Она слабо улыбнулась и, подогнув под себя ноги, села возле меня. Адель прижалась ко мне, она была теплой, она, сама того не зная, спасала меня. Ее руки оплели мою шею и губы прошептали в ухо:

– Спасибо!

Тепло ее дыхания скользнуло по щеке, и она поцеловала меня.

– Эй! – с порога заорала Шепот. – Что ту происходит? Что это ты себе позволяешь?

Она оторвала от меня Адель и отвесила мне подзатыльник. Мне! Как будто это я целовал ее племянницу.

– Какого хрена ты тут вытворяешь? – над ухом прохрипел Молот. – Я же сказал тебе только присмотреться, а не развлекаться с ней.

– Развлекаюсь? – огрызнулся я. – Я? Видишь ли, брат, последнее время у меня появилось правило спасать чужих детей от изнасилования. Я жить без этого не могу, не засыпаю, если не спасу пару-другую. А уж если для этого приходится убить кого, так я вообще не зря день прожил. – Я со злостью пнул пустой бочонок, и тот, гремя, покатился через весь погреб и замер, ткнувшись в голову убитого мной.

– Дед! – не отводя взгляда от меня, крикнул Молот.

– Мертв! – отозвался Дед. – Точнехонько в сердце. Чем ты его?

– Вот, – указал я на валяющийся у ног нож.

– А-а, – протянул Дед, – был бы клинок чуть длиннее, он бы сразу сдох. – Дед сморкнулся и, подмигнув мне, тронул Молота за плечо. – Куды его, Молот?

– Выкинь где-нибудь, – безразлично ответил Молот, – только чтоб нашли не сразу.

– Нет, – еле проговорил я, – нельзя его где-нибудь. Никак нельзя.

– Это еще почему? – В голосе Молота появился интерес.

– А ты посмотри на него, может, признаешь. Нет, не узнаешь? Тогда я тебе скажу, кто это. Это Эркан-младший, помнишь такого?

– Старшего помню. Я у них в саду яблоки воровал, а он меня, когда ловил, за это драл, а потом ими же и угощал. И отцу никогда ничего не говорил. Странный дядька. Он еще жив?

– Ты не слушаешь меня, – с горечью произнес я. – Мне жить осталось до утра, а ты… Это сын того самого странного дядьки. А дядька тот за последние пару лет такой вес набрал, что… В общем, конец мне.

– Хреново! – выдохнул Молот. – Весьма хреново, но не смертельно.

Я удивленно поднял на него взгляд.

– Иди спать, – он подмигнул мне, – а мы тут пока придумаем чего-нибудь.

Придумают они, как же. Я в это не верил, но послушно поплелся к себе в комнату. Общий зал был почти пуст, и только пьяная компания за чудом уцелевшим столом, допивала вино под присмотром Карманника да Гробовщик выносил невменяемые тела на улицу. Как-то быстро они сегодня свернулись. Да пес с ними, не до них сейчас. Я поднялся к себе, с огромным трудом отпер дверь и, не снимая грязной одежды, рухнул на кровать.

Не знаю, что это было, сон или мучительное полузабытье. В моей памяти навсегда останутся медленно поднимающееся солнце, расползающиеся по углам тени и безжалостная мысль в голове. Стучащая в висках, заставляющая сердце выпрыгивать из груди. Мысль, порождающая страх. Страх, иссушающий горло, леденящий кровь, осколками льда проходящий по

жилам, уничтожающий изнутри. Стоило закрыть глаза, как всплывало перекошенное, удивленное лицо Эркана младшего. Ох и удивился же он, когда я его пырнул.

Я не хотел, чтобы приходило утро. Я хотел, чтобы ночь длилась бесконечно. Я проваливался в сон и в ужасе вскакивал проверить, не пришло ли утро. Я надеялся, что это не случится никогда, но оно пришло. Утро дня моей смерти.

Странно, но я даже испытал облегчение от этого. Стоило только осознать, что жизнь окончена, – и страх ушел. Мне стало все равно. Я подошел к окну и выглянул во двор. Солнце совсем не по-осеннему освещало безоблачное, бесконечно синее небо, в маленьком саду радостно пели птички. Хороший денек сегодня выдался, теплый, жаль, что последний.

Молот сидел в общем зале за столом, подперев голову руками, и, казалось, спал, но стоило мне только сойти с последней ступени, как он встрепенулся и уставился на меня.

– Солнце встало? – вместо приветствия спросил он.

– Давно уже. Так что вставай и готовься к моим похоронам.

– Да-а, – протянул он, – дело дрянь. Ты знаешь, – он сощурил глаза, меня передернуло, – мы тут с ребятами все обсудили, кое-что проверили, и вот что я думаю. Устраивать маленькую войну против всего клана Эрканов нам не под силу. Нет на это времени, да и начальство за это по головке не погладит. У меня же начальство есть.

– Ближе к телу, – проворчал я.

– Так что на выбор тебе: или ты разбираешься с этим сам, или ты уходишь с нами.

Вот за это Молоту надо бы сказать огромное спасибо. За это я буду благодарен ему всю оставшуюся жизнь, какая бы длинная она ни была. Как всегда, он не хотел ни во что ввязываться. Как всегда, он бросал меня, если дело начинало пахнуть жареным. А тут не жареным пахнет, тут паленым за версту несет.

В такой ситуации каждый становился сам за себя, и кому есть дело до того, что в это дерьмо я влип из-за них. Они уйдут, и с чем останусь я? С трупом на руках и твердой уверенностью, что меня убьют? Так что разбираться самому тут бесполезно.

Уйти же с ними означает, что и я приду к жизни, подобной жизни Молота. Я отупею, сопьюсь и, если повезет, закончу жизнь в такой же таверне, рассказывая выдуманные подвиги любому, кто нальет кружку кислого пива. Но, с другой стороны, так я могу остаться живым еще какое-то время. Да, тут предстояло все серьезно обдумать. И я задумался.

Ближе к вечеру меня окончательно доконали разношерстные бандиты, приходившие с одним и тем же вопросом: где наш хозяин? Весь день они доставали меня, весь день меня так и подмывало проводить их в погреб и показать им их хозяина. Весь день я боролся с искушением. Ближе к вечеру я попросту орал «не знаю» в сторону двери, даже не поворачивая к ней голову.

Едва сумрак победил день, явился сам Эркан-старший. Он, не говоря ни слова, прошел к стойке и, тяжело кряхтя, уселся на стул. Его взгляд проник мне под кожу и, будь я проклят, если он не прочитал моих мыслей. Меня затрясло, за внешним спокойствием его читалась твердая уверенность, что он знает куда как больше, чем все его ребята. Мне конец! Сейчас я осознал это весьма четко.

Эркан молчал, прожигая дыру мне между глаз, я тоже не стремился начинать разговор. Мы смотрели друг на друга и молчали. Это могло бы продолжаться до бесконечности, но кто-то должен был нарушить тишину. Молот привалился к стене и, надкусив яблоко, шумно втянул его сок. Эркан перевел на него взгляд и, сморщившись, снова повернулся ко мне.

– Меня не интересует, чем вы тут занимаетесь, – полушепотом проговорил он, – вы можете тут хоть рабами торговать, мне на это плевать. Меня интересует только мой мальчик. Я знаю, что он тут был вчера. Он тут был?

– Был, – пожал плечами я, – тут много кто вчера был.

– Мне плевать на это, – проговорил Эркан, – меня интересует только мой мальчик. Он был тут?

– Был, – снова пожал плечами я. Мы так можем до бесконечности, он будет задавать один и тот же вопрос, а я буду пожимать плечами и отвечать ему теми же словами.

– И куда он ушел?

– Понятия не имею, – усмехнулся я, – все это я уже говорил вашим людям…

– А теперь скажи мне! – потребовал Эркан. – Мои люди – это одно дело, я – совсем другое. Я могу очень многое, так что напрягись и ответь мне. С кем он ушел и куда! – Голос его сорвался на крик.

Я похолодел, от такого кто угодно похолодеет, об Эркане ходило столько разных слухов, что все и не припомнить, а самые страшные лучше и не вспоминать.

– Ну, ну, ну. – Молот спустился с лестницы и, миролюбиво хлопнув старика по плечу, уселся рядом. – Не стоит кричать на моего брата в его же доме. Это по меньшей мере невежливо.

Молот улыбался и, казалось, был абсолютно спокоен, но я то видел, как вздулись вены на его руках. Я чувствовал, как он нервничает, как ищет его мозг способы избежать крупной драки. Я знал это. Знал я и то, что в руке, не занятой яблоком, он сжимал нож. Кажется, это знал и Эркан.

– А-а… – протянул Эркан. – И ты тут. Я думал, ты уже сдох где-нибудь. Ну, значит, все семейство в сборе, если не считать этого дурака, папаши вашего.

– Что? – Брови Молота взлетели. – Что ты только что сказал?

– Я сказал, что ваш папаша был дураком, будь он чуть умнее, придушил бы вас, пока вы ходить не начали.

Эркан провоцировал его, и Молот на это купился. Он покраснел, как помидор, его желваки вздулись, дыхание участилось. Он закрыл глаза, а когда открыл, от миролюбия в них не осталось и следа:

– Пошел вон! – сквозь зубы проронил Молот.

– Чего? – удивился Эркан.

– Тебе, сука, повторить? – зарычал Молот и, схватив старика за шкирку, потащил его к выходу. – Я не хотел с тобой драться и уж тем более не хотел причинять тебе боль. Но ты посмел говорить о моем отце в неподобающем тоне. Пшел вон, мразь, и чтобы я тебя больше не видел!

С этими словами Молот вышвырнул Эркана за дверь.

– Вот ведь ублюдок какой, – проговорил он, присаживаясь за стойку.

– Спасибо, – произнес я, – теперь мне точно не избежать расправы.

– Да не за что, – отмахнулся Молот, – если что, я завсегда.

– Ты понимаешь, что только что сделал?

– А то как же, – засмеялся он, – я только что вынудил тебя подписать со мной контракт. Поверь мне, ты об этом не пожалеешь.

– Да уж конечно, – с иронией отозвался я, – не пожалею. Я уже жалею, что ввязался во все это.

– Ты еще ни во что не ввязывался, вот пойдешь с нами, у тебя будут такие приключения, о которых ты тут и мечтать не мог. Как тебе не скучно сидеть тут, в тишине, целыми днями?

– Я люблю тишину, – ответил я. – Сволочь ты все же. Многие об этом говорили, а я не верил. Теперь вот убедился сам. Сволочь ты! Ради кучи медяков ты согласен собственного брата продать. Ничего святого у тебя нет. Только и думаешь, как нажиться, и Неважно, за чей счет.

– Ну за что ж ты так меня не любишь? – засмеялся Молот. – На тебе я наживаться не собираюсь и за твою вербовку отдам все деньги целиком тебе. Мелочь, конечно, но на первое время тебе хватит. Пройдешь обучение, а там я возьму тебя к себе в отряд. Ну как?

– Весьма заманчиво на протяжении всей жизни каждый день видеть твою противную харю.

– У тебя есть выбор, – продолжая смеяться, он пожал плечами, – вон там, за дверью, стоит пара десятков человек, желающих пустить тебе кровь. Выбирай, ты со мной или с ними?

– Да один хрен! Что с тобой горя не оберешься, что с ними.

– Ну тогда… – Молот поднялся, подхватил припрятанный за стойкой мешок и подмигнул. – Тогда мне больше тут нечего делать. – Он развернулся и направился к выходу. – Да, кстати, – обернулся он у самых дверей, – когда они подожгут тебя, на помощь можешь не звать. Все одно никто не придет.

– Как это подожгут? – еле смог проговорить я.

– А ты выгляни – узнаешь, – усмехнулся Молот, – они вон уже и масло притащили. Скоро тут такой костер будет! – Он мечтательно закатил глаза. – Жаль, я не увижу, некогда мне.

Я выбрался из-за стойки, на ходу сорвав с себя неуместный белый фартук и, оттолкнув Молота, пробежал к дверям. На улице собиралась толпа. Молодчики Эркана, весело смеясь, подпалили сложенный из веток костер и, уложив факелы пирамидками, с жадностью поглядывали на мой дом. Проклятье, Молот прав, они меня подпалят! Проклятье, и что же мне делать? Проклятье!

– А что, если… – Я повернулся к терпеливо ожидающему Молоту. – Что, если к твоим обратиться? Ведь отобьемся же, если все вместе.

– Да ты чего? – Молот выпучил глаза и заржал. – Счет времени совсем потерял? Они ж ушли давно и далеко теперь. Их что догонять, что искать – без толку.

– Ушли? – опускаясь на пол, мрачно спросил я. – Когда? А я где был?

– Ушли, – терпеливо повторил Молот, – еще днем ушли. А ты, ты тут все время стоял и стаканы до дыр протирал. Да ты вспомни, мы же с Гробовщиком возле тебя разговаривали!

Я сморщился, напряг остатки мозгов, но ничего не вспомнил. Страх поднял меня на ноги и заставил выглянуть на улицу. Одного взгляда на собравшихся было достаточно, чтобы понять, что парни Эркана уже здорово накачались и вовсе не собираются шутить.

– Ну и как мы уйдем? Сзади небось тоже они?

– Так ты идешь? – сощурив левый глаз, спросил Молот.

– Да иду, иду! Считай, что ты меня убедил, уговорил или завербовал, как тебе удобней. Только давай быстрее, не похоже, что они будут темноты ждать. Так как уйдем?

– Через черный ход! – подмигнул Молот и потащил меня в подвал.

Он торопил, он не позволил мне взять с собой никаких вещей, кроме денег, и те отобрал на лестнице. Припрятав жестяную коробочку, он оттащил окованный железом сундук, стоящий в дальнем углу подвала со дня постройки дома, и любезно предложил мне первому спуститься в открывшийся лаз. С минуту я стоял с выпученными глазами и тупо смотрел в дыру. Это действительно походило на черный ход. И как только мой братец о нем узнал? Я жил тут вот уже почти двадцать лет, я излазил его вдоль и поперек, но даже не подозревал, что прячется под сундуком.

Ход вывел нас на берег реки за городской стеной, и там нас ждал парень с тремя лошадьми. Молот, тварь такая, все заранее подготовил.

– Это Следопыт! – представил парня Молот. – Это он нам сказал, что ты в погреб полез. На вашем месте, ребята, я бы поближе познакомился и держался друг за друга. Одиночки долго не живут, а вам потом еще служить вместе. У меня в отряде.

Следопыт улыбнулся и протянул мне руку, я пожал ее. Как-то странно я себя чувствовал в этот момент. Словно это не парень, не мой одногодок протягивает мне руку, словно это само будущее сжимает мою пятерню и уже не выпустит ее никогда. Словно эта маленькая сделка на всю жизнь.

Я не оглядывался ни когда взбирался на коня, ни потом, когда мы въехали на холм, с которого было видно половину города. Я не видел смысла смотреть назад. Все, что было, я оставлял там, за городскими стенами, в маленькой таверне с прогнившими стенами и проте-

кающим потолком. Там останется все: и смертная скука, и надоевшие тараканьи бега, и бесконечная борьба с мышами и кредиторами. Все это уже позади. Впереди же меня ждет полная самых разных событий жизнь. И, пожалуй, по старой я скучать не буду, тем более по тому парню, что ею жил. С сегодняшнего дня я другой.

В ночное небо ударил сноп искр, выхватив из темноты три фигуры, стоящие на холме. Следопыт нахмурился и, прикрыв глаза рукой, смотрел на пожарище. Молот подошел и, положив руку мне на плечо, произнес:

– Хорошо горит! Масла не пожалели.

Я не оглянулся, мне достаточно было зарева, что отражалось в его полных слез глазах.

Глава 2
МЕДНЫЙ

Мне хреново! Вообще все хреново. Не то чтобы совсем, просто караул! И зачем я только согласился уйти с Молотом? Лучше бы меня Эркан разорвал на мелкие кусочки. Толку с того, что моя жизнь продолжалась, это и жизнью-то назвать нельзя.

Каждый день похож на предыдущий и на тот, что будет завтра, и будущее представляется одной сплошной черной словно ночь полосой. Каждое утро нас будит зычный голос сержанта. Не голос, глас божий! Мы вскакиваем с коек, пытаясь в прыжке попасть в сапоги, но как бы быстро это ни делалось, все одно сержант успевает отвесить паре из нас зуботычины. Попадало и мне. Сержантам плевать, что я чей-то там брат. Имя Молота в армии имеет одно действие, а в том аду, куда меня засунули, – совсем другое. С меня сержанты еще больше спрашивают.

И я тянусь, я стараюсь, выпрыгивая из штанов, я не хочу подвести брата. Да к черту его, я просто хочу выжить! Выжить и добраться до его заросшей мышцами шеи. Вот тогда я повеселюсь, вот тогда он ответит мне за все, что здесь со мной творилось. И за побудки среди ночи, и за пробежки в полном вооружении тяжелой пехоты, и за издевательства сержантов, и за последствие попыток объяснить тем же сержантам, что они уроды и мерзавцы, и за отсутствие вина и женщин, наконец. За все ответит Молот! Дайте только выжить и добраться до него.

Все вокруг твердят, что мучения, выпавшие на нашу долю сейчас, – это мелочи и нам же будет легче после всего этого на настоящей войне, словно сами они знают, что такое война. Все так твердят: и добрячки сержанты, заботящиеся о нас, и недотепы, поверившие им, и даже Молот, изволивший явить мерзко улыбающуюся морду. Но этот, похоже, действительно так думает. По крайней мере я не заметил в его словах лжи, когда абсолютно голый стоял перед ним и слушал его бред, а ведь я трактирщик со стажем. Правда, голому мне истории слушать не доводилось, но…

Молот уехал, оставил три кувшина вина и уехал. Три кувшина на меня одного – это, пожалуй, многовато, и я позвал друзей. Двоих, ближайших. Я показал им свое сокровище и был отблагодарен овацией. Мы с жадностью накинулись на вино и были пойманы с поличным сержантом. Он окинул нас ироничным взглядом, отхлебнул из кувшина приличный глоток, хлопнул Следопыта по спине, улыбнулся и ушел.

А на следующее утро нас вместо наказания ждали документы и открытые ворота. За воротами же нас ждал Трепа. Он обнял меня, поздравил с завершением мучений, проводил до повозки и всю дорогу болтал о том, каково было ему в наши годы. Врун поганый, он в отряде с пятнадцати, и в наши годы он уже был капралом. Правда, с тех пор так и не подрос.

Нас привезли, разместили, дали денег и отправили в город. Там я на собственной шкуре ощутил все то, о чем так красиво вещала Шепот. Мы были солдатами его величества, в новенькой форме, еще без знаков отличия и приписки, но в форме. А форма – это такая штука, что приклеивает к тебе и дам, и купцов, и алкашей, желающих выпить за твой счет, и тех, кто готов напоить тебя. Форма, хорошо подвешенный язык и пара придуманных на ходу историй могут сотворить поистине чудеса, куда там всем магам. Только что мы грустно взирали на опустевшие кувшины и искали мелочь в карманах, и вот Треска открывает рот и начинает свои истории. Конечно, от долгой речи горло его пересыхает и… Трезвыми мы не остались, и, если бы не Гробовщик, утащивший нас в казармы, праздник продолжался бы и дальше.

Так закончился первый день службы, но день закончился, а память о нем осталась, и, разгоряченный приятными воспоминаниями, мозг старался найти способ его повторить. Плоть не шибко сопротивлялась этому, и праздник повторялся. Ежемесячно, день в день. Как раз

тогда, когда мы получали то, что начальство гордо именовало жалованьем. Собственно, его хватало на одну приличную пьянку, и откладывать ее никто не собирался.

В Восбуре наша троица оказалась аккурат в тот час, когда те, кто пил с вечера, уже расползлись по норам, а те, кто планировал напиться сегодня, еще не проснулись. Вот жизнь! Все местные кабаки в нашем полном распоряжении. Да и тамошние девки, лишившиеся ухажеров, откровенно скучали. Мы не могли им позволить растрачивать красоту понапрасну. Так что, воздав должное местным винокурням и по достоинству оценив успехи восбурских пивоварен, мы потихоньку расползлись по комнатам.

Странная штука жизнь, никогда не знаешь, что она выкинет. Обычно я задерживался дольше всех, обычно это меня приходилось ждать парням, обычно это на меня смотрели их злобные глазенки, когда я, изможденный, но довольный, спускался вниз. Обычно, но не сегодня. Сегодня я спустился первым. Сегодня я дожидался, когда мои ненасытные товарищи соизволят наконец явить свои мерзкие рожи.

Сидеть одному, в пустом трактире, тупо пялясь на лестницу, и ждать – хуже ничего и быть не может. Скучно, хоть башкой об стол бейся. Я бесцельно обводил кабак глазами, пускал пузыри и слушал, как они лопаются. Я разглядывал посетителей и не находил ничего интересного. Я задирал глаза к потолку, я следил за мухами, я пытался понять шевелящего усищами таракана и… тихонечко напивался.

Что-то тяжелое ударило в пол, что-то жалобно заскрипело, трактирщик обреченно охнул. Этот самый «ох» трактирщика должен означать как минимум одного грабителя. Я с готовностью вскочил и разочарованно плюхнулся обратно. Не в меру толстая тетка неопределенного возраста, вывалив не умещавшуюся в платье грудь на стойку, сидела вполоборота ко мне, призывно закинув тяжелую косу на плечо. И всего-то? А я так надеялся на грабителя, но она была все же веселее, чем опустевший кувшин. Я подмигнул ей. Она в долгу не осталась и улыбнулась.

Она строила мне глазки, поглаживая пухлой ручкой жир на бедрах. Она томно вздыхала, маленькими глотками отпивая из стакана красное вино. Вино капало ей на грудь и стекало, оставляя кровавый след на покрытой язвами и складками коже. Глядя на меня, она облизывала толстые губы и причмокивала огромным, словно лопата, синим языком. Она была как кошка перед миской сметаны, как армия, готовая взять штурмом неприступную крепость и собирающая для этого силы.

Представив себя в ее объятиях, я мелко задрожал и заказал самого крепкого вина, что нашлось в кабаке. Вино не принесло облегчения, оно лишь затуманило мозг и лишило разума. Осушенный несколькими огромными глотками кувшин со стуком опустился на стол, я плюхнулся следом.

– Ты только посмотри на него, – сквозь сон услышал я удивленный голос Трески. – На минуту оставишь, а он…

– Да брось ты, – сквозь смех проговорил Следопыт, – они же прекрасная пара.

Какая еще, к дьяволу, пара? Я же один сидел. Я медленно открыл глаза. Передо мной высилось что-то большое и розовое в мелкую красную полосочку. Я вздрогнул, отпрянул и замер, растерянно глядя на улыбающуюся мне толстуху.

– Пойдем наверх? – не обращая внимания на смешки за спиной, спросила она. Ее огромная пятерня вцепилась в мою ладонь.

– Идите, – заржал Следопыт и, упав на лавку рядом со мной, подтолкнул плечом – Идите, развлекайтесь, мы тебя тут подождем, выпьем пока. Ты только не забудь, нам к рассвету вернуться надо.

Я послал куда подальше и его, и толстуху, а заодно и подошедшего трактирщика. Трактирщик, смущенно улыбаясь, отошел. Следопыт, смеясь, рухнул на стол, толстуха удивленно вскинула брови и, не проронив ни слова, поднялась.

– Грубиян! – зло сказала она, отойдя на шаг, и, гордо вскинув огромный зад, заковыляла прочь.

– Ты где ее нашел? – вытирая слезы, спросил Следопыт.

– Да, кстати, – Треска сел напротив, – где ты вечно их находишь?

– Тут неподалеку место есть, там их специально для меня выводят.

– Вот это женщина! – повернувшись к ее перекатывающемуся заду, мечтательно произнес Треска.

– Ну иди, догоняй! – прорычал я.

– А можно? – осторожно спросил он.

– Она вся твоя.

И наш рыбоподобный друг умчался. Мы ошарашенно смотрели, как он разговаривает с ней, как берет ее за руку и как гордо ведет наверх. На середине лестницы он обернулся к нам и, подмигнув, махнул рукой. Лицо его светилось счастьем.

– Не понял, – встряхнул головой Следопыт.

– Чего ты не понял? – Я выгреб на стол остатки денег. – Ну любит мальчик дам большого размера.

– Но она же, ну это же… да это не женщина, это мечта мыловара, вон в ней жиру скока.

– Любовь зла, Следопытушка, любовь зла. Она, знаешь ли, такая тетка, только и ждет, чтобы врезать тебе чем-нибудь из-за угла. Она такая, маленькая и зловредная, любовь эта. Трактирщик, вина!

А хороший сегодня денек, ничего не скажешь. Из всех доступных нам удовольствий не было только драки, впрочем, еще не вечер. Правда, сил на нее уже нет. Да и накачались мы со Следопытом весьма солидно. Если бы не заборы да помощь иногда возвращавшегося из райских кущ Трески, мы бы давно хрюкали в канаве. Я-то уж точно.

Следопыт еще держится, а мой желудок все порывается вернуть лишнее. Лишним был тот кувшин, что мы распили за чудесное возвращение Трески. Мы радовались ему, мы поздравляли друг друга. А вот Треска расстроился, что надо уходить. Похоже, он и впрямь влюбился. Ну рыбоголовый дает!

– Стой! – распорядился Следопыт. – Так куда мы идем?

– Домой! – ответил я.

– Это понятно. – Язык Следопыта уперся в зубы и долго не желал от них отрываться. – А где дом?

– Там! – уверенно сказал я, ткнув пальцем в забор. Следопыт подошел ближе, внимательно осмотрел место, куда я ткнул, и мотнул головой.

– Нет, – шатаясь произнес он. – Там не дом. Там забор. Вот за забором дом.

– Чей? – спросил я, ухватившись за палку, торчащую из забора. С другой стороны изгороди ее кто-то сильно раскачивал.

– Не знаю, – падая мне на плечо, произнес Следопыт. – Пойдем узнаем!

– Пойдем, – согласился я. – Эй, хозяева, мы к вам в гости!

– Тихо, тихо. – Треска, вернувшийся на землю, сграбастал нас в охапку. – Куда это вы собрались?

– Мы хотим знать, кто там живет, – ответил Следопыт и, повиснув на плече Трески, блеванул.

– Не-а. – Треска спокойно развернул его, облокотил на забор и повернулся ко мне. – Вы никуда не пойдете. Вы пьяные, с вас спросу никакого, а мне за такое Молот голову снимет.

– Че ж ты не пил? – спросил я. – Мы же тебе оставляли.

– Вот потому и не пил. Вам двоим только волю дай, потом с губы не вылезешь. Да и некогда мне было. – Он закатил глаза, но тут же вернулся. – Так что вы никуда не пойдете!

– Треска! – Я обнял его за плечи. – Друг ты мой. Успокойся. Мы не хотим никому… ик… ничего мы не хотим. Ик… Нет, погоди, мы просто ик.. хотим знать, кто в домике живет, ик…

– Нет я сказал! – отрезал Треска.

– Да ты Молота не бойся. Я же его… ик… брат, ну, прикрою вас как-нибудь.

– Во-во, – кивнул Треска, – ты-то его брат, а мы простые солдаты. Тебе-то он просто в зубы даст, а нам…

– Это кто тут брат Молота? – загудел голос из темноты.

– Ну я! – Я шагнул вперед, мимо Трески, ударился обо что-то и очень удивился, когда Треска, провожая меня глазами, скрылся в темноте.

Я упал, отбил зад и больно ударился затылком. Рот медленно наполнялся тягучей, с привкусом вина и железа, жидкостью. Хмель постепенно проходил, а когда я услышал жуткий вопль: «Бей вербовщиков!», то он улетучился мгновенно. Я вскочил на ноги и тут же оказался пойманным за грудки.

– А-а, – прорычал детина, отрывая меня от земли, – значит, ты и есть брат этой суки, Молота. На, получай! – Он двинул мне в зубы. – Будешь знать, как бедных крестьянских детишек вербовать.

Я хотел ему возразить, сказать, что я и не думал никого вербовать, да и возможности такой у меня пока не было, но он снова поднял меня, оторвав от земли. Желудок не выдержал. Я висел на вытянутых руках детины и старался подавить смех. Но уж очень забавно выглядел дядя в непринятом моим организмом вине.

– Ах ты, сучонок! – возмутился он. – Мундир мне испортил!

И с легкостью, словно я набит пухом, перекинул меня через забор. Я понимаю, он не мог знать, что прямо под забором хозяин двора поставил чан с отвратительно пахнущей жидкостью. И уж тем более не метил в него. Не метил, но попал.

Меня снова вывернуло. Но мне было все равно. Где-то за забором шумела драка, но тут было почти тихо, и, если бы так не воняло, я бы мог остаться тут навсегда. Всю жизнь вот так просидеть в чане и смотреть, смотреть на звезды.

Забор выдержал два удара, третьего он выдержать не смог, и ревущая толпа ввалилась во двор. Уединение нарушено, а я только начал к нему привыкать. Ну сволочи, как вы могли испортить такую ночь? Я вскочил. Отмахнулся от кого-то, кому-то врезал. И побежал на помощь к заваленному телами Следопыту.

Он дрался в полусне. Вяло махал руками и больше сам стонал, чем наносил урона.

Треска мчался к нему с другой стороны. Расшвыряв молотивших Следопыта парней, мы подняли его на ноги. Вот-те хрен, да на нем ни одной царапины! Он даже не протрезвел и все так же, блаженно улыбаясь, смотрел на нас.

Метрах в пяти противники устроили перегруппировку. Они собирались с силами и, тяжело дыша, решали, кого первого будут разрывать.

– Восемь против троих. Че делаем? – спросил Треска. – Бежим?

– Хороша мыслишка, – ответил я.

– О! – Следопыт открыл глаза и увидел раздувающих ноздри парней. – У нас че тут, драка? Че ж меня не разбудили? – обиженно простонал он и, завопив: – А ну, посторонись! – бросился на врага.

Я даже руки поднять не успел. Следопыт врезался них. Одного отшвырнул к стене дома, другого локтем отправил на землю. Он шел красиво, расшвыривая тех, кто пытался его остановить, но сил одного, вусмерть пьяного, Следопыта было мало. Ему ударили в колено, сбили на землю. Сейчас опять накинутся на него всем скопом и будут топтать.

Треска вырвал из земли кол и, размахивая им над головой, понесся в их сторону. Мною овладела апатия, ничего не хотелось делать, к тому же похмельная голова разболелась. Так лениво я и втоптал в землю оказавшегося ближе других парня. Дальше драка пошла веселее.

Я бился и получал ни с чем не сравнимое наслаждение. Я бил, мне тоже попадало, но не было в этом мире ничего приятней, чем выплюнуть кровь и самому вдарить по зубам.

Давно откинувший кол в сторону Треска вдруг как-то странно изогнулся и замер. Я повернул к нему голову и остолбенел. К нам, крутя в руках огромным молотом, приближался дядя, по сравнению с которым Гробовщик – маленький мальчик.

– Что за хренотень? – ревел дядя. – Кто смеет разносить мой двор?

Первый попавшийся ему под руку упал, обливаясь кровью. Остальные как завороженные следили за его приближением и вслушивались в свист, создаваемый молотом. Все старые распри были забыты и, объединив усилия, вся толпа ринулась на него. Но сил у него было больше, чем у всех нас.

Следопыт убрал от лица тряпку и подмигнул заплывшим глазом. Мы сидели в отдельной камере и молча переглядывались. Скоро за нами придут. Молот подымет вой до небес и будет размахивать перед нашими носами кулаками. Трепа будет смущенно торчать у него за спиной и только поддакивать да иногда покачивать маленькими кулачками. Это потом он расскажет всем вокруг о наших приключениях, но сейчас он только капрал, и не более того.

Да черт с ними, сейчас меня занимало совсем не это. Меня беспокоил Треска. Проклятый кузнец врезал ему молотом под ребра, и хрен его знает, выживет ли наша рыба. По крайней мере, префекты с ним возиться не стали. Нас связали и притащили сюда, а его и трогать не стали, только пообещали, что пригонят доктора. А вот пригнали или нет, поди проверь.

Следопыт поднялся и прихромал ко мне. Он опустился на прикрученные к стене нары и вытянул ноги.

– Не думай, – прошепелявил он. – Трешка парень шильный, выкарабкаетшя.

Как же хочется ему верить!

В замке заскрипел ключ. Я глянул на дверь, но подниматься не спешил. Следопыт и глаз поднимать не стал. Ну и правильно, че на эти зажравшиеся морды смотреть.

– На выход! – скомандовал голос.

Мы встали и, бурча непристойности, поплелись к дверям. Я ожидал услышать голос Молота еще из коридора, но вокруг было тихо. Нас подвели к двери и втолкнули в небольшое помещение. Мгновение я стоял, тупо пялясь на погоны, а потом вытянулся в струнку.

– Ваши? – спросил лысенький префект.

– Мои! – не оборачиваясь, ответил капитан. – Мои, муравьев им в печень!

– Да ты хоть глянь, а то не тех еще тебе отдам.

Капитан обернулся, его глаза выстрелили в нас из-под торчащих в разные стороны бровей. Усы дернулись и застыли, направленные в потолок. Желваки на небритых щеках вздулись.

– Мои, – капитан поднялся, – мои. Уроды, мать вашу, что за…

Около часа он распекал нас, мы стояли навытяжку и потели, час наши лица то бледнели, то становились красными. Все это время префект смущенно улыбался и вытирал платком вспотевшую лысину, а Молот, сидевший на подоконнике, посмеивался и качал головой. Наконец капитан вздохнул и проговорил:

– Ладно, хватит с вас пока. Придем в казарму – еще там побеседуем.

Еще? Нет, избавьте меня, я больше не выдержу!

– Так я их заберу? – Капитан повернулся к префекту.

– Да, конечно. – Префект виновато глянул на нас – Один вопрос. Кто забор кузнецу чинить будет?

– Да вот эти уроды и починят. Ладно, третьего уж мы освободим от этой обязанности, не помер бы. Ну счастливо! – Он протянул префекту руку. – Двигайте, уроды! – Та же рука толкнула меня в спину.

Мы вышли в коридор. Молот сразу же оказался у меня за спиной.

– Ну и молодцы вы, ребята, – прошептал он. – Трое против восьми и потери – три к одному. Здорово вы их.

Капитан кашлянул, и Молот отстал. В молчании мы вышли на улицу и пошли вдоль нее, распугивая народ окровавленными мордами. И только оказавшись невидимыми со стен, остановились.

– Ну поздравляю с крещением! – улыбнулся капитан, присев на камень. – Молодцы, отличились. Молот, как там потери?

– У тех – трое, у нас – один! – весело отозвался Молот.

– Хорошо, – еще шире улыбнулся капитан. – Это хорошо. Только, ребятки, запомните одно правило: никогда не попадайтесь, а если не можете удрать, то и с префектами бейтесь. Вербовщики вы или нет? Ладно, пойдем домой.

– А что с ними делать будем? – спросил Молот.

– Накажем. Показательно накажем, чтобы другим неповадно было в лапы префектам попадать. Посидят на кухне недельку-другую. – Капитан обернулся и подмигнул мне. – Да, Молот, а чего это он у тебя такой медный? Непорядок это.

Я взглянул на себя. Мать моя женщина, я ведь весь коричневый: и порванная форма, и кожа, да и рожа, наверное, тоже.

– Медный, – прыснул Трепа за спиной. – Ну что, – он подошел ближе и хлопнул меня по плечу, – пойдем, Медный!

Так оно ко мне и прилипло. Так и остался я навсегда Медным. И никому ведь в голову не пришло поменять мне имя, даже когда я отмылся и сменил мундир. Нет, никто об этом и не подумал. Трепа быстро разнес весть о присвоении нового имени по гарнизону, и вскоре даже Молот называл меня так.

Так что тащить мне память об этой истории всю оставшуюся жизнь, да Треске о сломанных ребрах напоминать. А он оклемался, мы еще не успели и забор кузнецу восстановить, а Треска уже бегал вокруг нас и посмеивался.

Но вскоре спокойная жизнь закончилась и снова начались тяжелые будни, но на сей раз в вербовочной команде.

Глава 3
Я ВЕРБОВЩИК

– В Триит я не поеду! – категорично заявил я, узнав, куда собирается отправить меня Молот.

Я сидел за растрескавшимся столом, сбитым прямо у казармы как раз для таких, как я. Еще недавно меня грело веселое весеннее солнце, а теперь жестокий зимний ветер пробирал до костей. И казалось, солнце больше не смеялось, а издевательски хохотало надо мной, сидящим под его холодными лучами. Сидел и во все глаза разглядывал вызывающе блестящие погоны Молота.

Братец мой навел лоск, начистил сапоги и был горд тем, что он есть. Эта гордость прямтаки распирала его, светилась в его глазах, проступала из-под туго застегнутого мундира, блестела на зубах и отливала золотом погон. Он стоял, водрузив ногу на чурбан, и, сощурив глаза, разглядывал меня.

– Ну почему именно я? А, Молот? Что у тебя – люди перевелись? Отправь туда Блоху, к примеру.

– Блоху нельзя, – цокнув уголком губ, покачал головой Молот. – Блоха засвечен.

– А я, по-твоему, нет? Молот, да меня же там каждая собака знает. Да что я тебе говорю, ты и сам все это прекрасно понимаешь.

– Вот и хорошо.

– Что хорошо? Что ты этим хочешь сказать?

– Хорошо то, что тебя там каждая собака знает. Значит, и ты кое-кого знаешь.

– Ага, знаю. Эркана, например, очень хорошо знаю. И он меня, думаю, не забыл.

– Да чего ты боишься? – удивился Молот. – Не тронет тебя никто! Не посмеют. На тебе же форма. Ты ж солдат.

– И что с того? – не соглашался я. – Кого это останавливало? На Соболе тоже была форма и где он сейчас? Нет, Молот, ты как хочешь, а в Триит я боле не ногой.

– Соболь – дело другое, – рассудительно заметил Молот. – Соболь был слишком смел и неосторожен, вот и получил. А с тобой ничего не случится. Если что, я лично весь Триит переверну.

– Вот мне легче от этого станет, – съязвил я.

– Ну легче, может, и не станет, а все же не зазря.

– Вот спасибо, вот успокоил.

– А вообще, – он засмеялся, – вообще, я и не знал, что мой брат трус.

– Пусть я трус, – с этим я, пожалуй, соглашусь, – но лучше быть живым трусом, чем мертвым храбрецом. Не ты ли говорил, что храбрость должна быть уместной, а всякое там бесстрашие да наплевательство только укорачивает жизнь. И потом, вот что бы ты сделал, если бы убили твоего единственного сына? Любимое чадо и единственного наследника?

Молот отмолчался, только его взгляд стал суров.

– Не тебе об этом рассуждать, – сказал он после паузы.

– Не мне, – согласился я. – У меня детей нет, зато у тебя семеро по лавкам. Так что бы ты сделал, убей я любого из них?

– Я бы тебя взгрел.

– Мягко сказано.

– Да, – согласился он, – мягко. Впрочем, не мне знать, как чувствует себя отец семейства. Дети-то у меня есть, но что толку. Они и папой меня не зовут.

Это правда, не зовут, вот меня дядей пару раз называли, а его папой никогда. Да и сложно звать папой человека, появляющегося раз в год, на несколько дней. Да, он дает деньги матери и покупает детишкам сладости и нужные вещи, но не более того. Но, похоже, Мелинду это устраивает.

– Ну и ладно, хрен с тобой. Не хочешь – как хочешь, – вдруг, посветлев, сказал Молот. – Тогда поедешь со мной в Магрок. Хотел тебе дело поручить и по службе двинуть, но раз ты такой трус, тогда ошивайся подле меня, пока не научишься всему.

Он продолжал что-то говорить, но я его уже не слышал. Мои мысли заняло волшебное слово Магрок. Столица нашего государства. Всю жизнь мечтал побывать там, но всю жизнь было некогда. Сперва я был слишком молод и отец не разрешал мне путешествие, потом я был занят делами трактира, а последнее время – армейскими делами. И вот теперь мне предстояло увидеть саму столицу, прикоснуться к ее храмам, пройти по мостовым, заглянуть в окна, увидеть правителей и, быть может – кто знает? – самого короля.

– Прелесть нашей работы, – вещал Молот, пакуя мешок, – в путешествиях. Я сейчас не занимаюсь вербовкой, это уже незачем, за вас мне второй раз никто не заплатит. Это сейчас я говорю абсолютно открыто и честно…

– Слыхал, «честно»? – прошипел мне в ухо Следопыт. – Мне ой райские кущи обещал, и тоже «честно»!

– …спросите кого хотите, – продолжал Молот. – Вон хотя бы Метиса. – Он кивнул в сторону спящего на стуле лейтенанта. Метис открыл один глаз, посмотрел, кто помянул его всуе, и снова погрузился в сон. – Нет, – Молот почесал массивный подбородок, – Метиса лучше не спрашивайте. Еще прибьет ненароком. Ну, скажем, Гробовщика. Нет, тоже не то. – Он насупил брови и задумчиво почесал одну из них. – Ну, в общем, кого угодно. Любой из наших скажет вам, что нет большего счастья, чем объездить полмира за счет государства, да еще и жалованье за это получать. Так что добро пожаловать к нам в организацию!

Организатор хренов! Отхватил себе самый лакомый кусочек и живет теперь припеваючи. Отгородился от всех, фактически отделился от армии, никому не подчиняется, в мирное время точно, и плевал на все начальство. Да с него никто и не спрашивает. Попробуй с Молота спроси. Он только кулаки на стол положит – и все желание не то что спрашивать, разговаривать пропадет.

Единственный человек, которому Молот дает отчет, это капитан Тогрис, прозванный Тараканом за некогда рыжие усы. Мне не нравится его прозвище, не похож он на таракана, да и мужик славный. Но капитан – это Молот в старости, он тоже плевать хотел на начальство и за нас готов любого разорвать. А вся его суровость – это только так, голая показуха, для посторонних. В этом я убедился на собственной шкуре.

А вообще они, Молот с капитаном, нашли друг друга, капитан спокойно дорабатывает до пенсии и закрывает глаза на мелкие шалости Молота, а мой брат этим не стесняясь пользуется. Некоторые из таких проделок не так уж безобидны, например, жалованье. Нас по спискам почти полторы сотни, а на деле меньше пятидесяти. Но жалованье выдается по спискам исправно и на всех. Несложно догадаться, куда деваются остатки.

Однажды я спросил об этом, за что и был удостоен подзатыльника и последовавшего за ним нравоучения. Только потом, оттащив меня в сторону, Молот заговорщицким шепотом объяснил, что многие в разъездах, а бумаги все есть. И вообще, он бы мне советовал заниматься своими делами и не лезть с расспросами, а то вот Соболь полез… И я отстал. Да наплевать, может, и мне чего перепадает, но я об этом не догадываюсь.

Столица не произвела на меня должного впечатления. Возможно, в том виновато ожидание, а может, слишком восторженные рассказы побывавших в ней. Но узкие улочки, обшарпанные дома бедняков в Низине и отвалившаяся позолота богатых домов на холме… Все как-то не клеилось с образом богатого и красивого города, каким должна быть столица. Мне она

не понравилась, быть может, потому, что я видел ее изнаночную часть. Я видел в ней то, чего не должен был видеть никто из пришлых. О чем местные старались даже не думать.

Как и везде, нищие умирали на улицах от голода, а богачи закатывали пиры. Девок из нищих кварталов портили лет в двенадцать, к шестнадцати они уже профессионально торговали своим телом, ну а к двадцати кто-нибудь вскрывал горло надоевшей и не в меру раздувшейся шлюхе. Как везде, парни шли в бандиты или нанимались на тяжелый труд, уносивший их жизни в том же возрасте, что и жизни их подруг. Но от этого не становилось меньше нищих и стариков, а население бедных кварталов только росло. Места для житья не хватало, и наиболее отчаявшиеся или отчаянные селились на реке, строя дома на невысоких сваях из гнилого дерева. Но всего этого не видели приезжие и не замечали местные.

Молот вдохнул полной грудью воздух речного квартала. Меня же чуть не вывернуло от тяжелого запаха: тут пахло рыбой, гнилью, потом, разложением и дерьмом. Улыбаясь, Молот выдохнул.

– Запах денег, – произнес он. – Чуешь, Медный, этот запах? Запомни его, брат, так пахнут деньги вербовщиков.

– Хреновая у нас работа, ежели так воняет, – ответил я.

– Дурак, – обронил Молот, – это не работа так воняет, это деньги так пахнут. А работа у нас, ты прав, хреновая, но пахнет по-другому. Пахнет она кровью, выбитыми зубами и сломанными ребрами. Драться-то не разучился? – спросил он, и его правый глаз чуть сощурился. – Помню, как ты наподдал Алеку с Темной улицы, чтоб не приставал к малышке Феригов. Они потом тебе фрукты таскали и свадьбу готовили.

– А потом она умерла, но ты этого уже не видел, – оборвал я не самые приятные воспоминания о первой потерянной любви.

Молот с грустью посмотрел на меня, но извиняться не стал. Не в его это природе, извиняться перед подчиненными в присутствии других подчиненных. Вот если бы мы были один на один, тогда… Да он и тогда бы не стал.

– Ладно, – сказал он, – вперед не лезь и делай все как я.

– Ага, – откликнулся Гробовщик, – слушай его больше, враз с ангелами разговаривать будешь.

– А ты не лезь! – рыкнул Молот. – Я брата обучаю.

– Ну-ну. – Гробовщик отвернулся и, положив руку на мое плечо, шепнул на ухо: – Ты, главное, в стороне держись, тогда, глядишь, и не зацепят.

– А что, будет драка? – спросил Треска, он страсть как не любит всех этих драк, особенно после Восбура.

– Это как доведется, – сказал Молот и поправил оружие. – Ребята, вы только не тушуйтесь. Здесь давненько никого из наших не было, так что они и думать о нас забыли. И не стоит думать, что мы портим кому-то жизнь. Нет, не портим, а, если хотите, делаем благое дело. Для многих из них это шанс сытно жрать да дожить до старости. Посмотрите на это, ну разве уважающий себя человек сможет жить в такой грязи? Рядом со всем этим и наша работа не кажется такой хреновой, а, Медный?

– Слабоваты их шансы до старости дожить, – рассудительно изрек Следопыт. – Вот попадут к нашим сержантам и будут нас проклинать. Здесь они хотя бы свободны от рождения до гроба, а там чуть что не так – и в первый ряд, под стрелы.

– Может, и так, но это уж кому как повезет, – сказал Молот и направился к тому, что тут именовалось таверной.

Будь я хозяином этого заведения, я бы удавился. Стоять у самой реки, вдыхать всю эту вонь, обслуживать всю местную шушеру, состоящую в основном из бандитов и убийц, подавать давно прокисшее пиво и не разбираться в вине. Готовить на обед водяных крыс – вершина, на которую он смог забраться. Но его просевшее в сторону реки заведение пользовалось

популярностью у местных ребят. А я, со всей своей тягой к прекрасному, едва сводил концы с концами. Столько народу сразу я видел только на поминках да на рождении. И если бы не помощь Молота, наверное, лишился бы дома. Впрочем, я и так его лишился, как раз с помощью Молота.

Мы вошли в трактир и я возблагодарил бога за предусмотрительность брата. Это он приказал нам сменить форму на одежонку попроще. Внутри набилось человек двести, они горланили песни, обсуждали сделки и налеты, били друг другу морды и делали все это одновременно. Меня передернуло, когда я представил себе такое в моем старом, добром, подпирающем западную стену Триита трактире.

Молот кивком указал на свободный стол в углу и прокричал мне в ухо:

– Стол для нас держат. Садись и не бойся есть и пить, хозяин наш человек, не отравит.

Я послушно сел за стол и начал разглядывать бегающих по неструганым доскам тараканов. Они носились туда-сюда, никого не смущали и не смущались сами. Казалось, без них это заведение осиротеет. Вот один, посмелей да пожирней, поднял усы и уверенно двинулся на меня. Он приближался к руке, шевеля усищами, замирал при каждом шаге и поглядывал в мою сторону. Ему оставалось пройти несколько шагов, чтобы выяснить отношения с человеком, усевшимся за его стол, но грязная тряпка смахнула его со стола, и пропитой женский голос прокричал:

– Мальчики, заказывать что будем?

Я поднял глаза и остолбенел. Шепот подмигнула мне и слегка улыбнулась.

– Не тяни, – сказала она и сунула мне в руку бумажку. – Вон тех бойся. Видишь, за столом напротив входа, они очень не любят нездешних, к тому же, не дай бог, решат, что ты мне глазки строишь, тогда… – Она покачала головой. – Медный, недоумок, хватит пялиться на меня. Они же тебя порешат. Вон тот, волосатый, вроде как ухаживает за мной.

– И ты что? – сдерживая улыбку, спросил Следопыт.

– Как что? – удивилась Шепот. – Отвечаю ему взаимностью.

Следопыт не сдержался и захохотал во всю глотку. Волосатый, корча недовольную рожу, медленно поднялся и двинулся к нам, расшвыривая по углам тех, кто не успел от него увернуться.

– Они к тебе пристают? – басом спросил он и обнял Шепот за талию. Талия хрустнула.

– Ну что ты, радость моя, они же еще совсем дети, а мне по душе настоящие мужики. Ты, например. – Она привстала на носочках и поцеловала его в щеку. – Значит, пива и по крысенку? – спросила она у нас, я кивнул. – Не пожалеете, ребята, – засмеялась она, – крысята свежие, утром пойманные. Объеденье просто, пальчики оближете! – Она поднесла ко рту и чмокнула кончики пальцев, но глазами показала, чтоб мы не притрагивались к этой дряни.

– Я слежу за вами, – произнесло волосатое чудовище и удалилось тем же манером, что пришло, и встававшие у него на пути разлетались по углам, а он спокойно дошел до своего места и принялся за нами следить.

Шепот вернулась, швырнула на стол крысят, скорчившихся на грязных приплюснутых тарелках и, вильнув задом, побежала дальше.

Жуткое зрелище представляли из себя эти самые крысята. Меня выворачивало от одного вида этих неободранных созданий с жалобно открытыми ртами и маленькими, злобно выпученными глазками. Поганец корчмарь даже не потрудился их выковырнуть. Впрочем, на его месте я бы тоже не стал себя утруждать. Зачем, если местная публика и так сожрет любую дрянь. И для нас не стоит стараться. Глаза небось считаются чем-то вроде деликатеса. Я слыхал, что где-то улиток вареных едят и пальцы облизывают. Фу-у, гадость.

Громила продолжал пялиться на нас, и пришлось откусить кусочек от этой дряни. Я-то сперва шкурку содрал, а вот Треска и этого делать не стал. На вкус они оказались еще хуже, чем на вид.

– Не отравиться бы, мать его, – простонал я, – по-моему, уже отравился.

– А по-моему, не так плохо, – отозвался Треска, дожевывая последний кусок.

– Да тебе хоть змею в яде зажарь, ты и то рад будешь.

– Змеи очень вкусные, – произнес Следопыт, – если их зажарить правильно.

– Да пошел ты, – рыкнул я, – не понимаешь ни хрена в еде – не лезь. А я люблю поесть плотно и со вкусом.

– Ишь, привереда выискался. Жри, чего дали.

Я не стал отвечать. Не хватало мне еще внутренних – разборок. Пусть жрут, чего хотят, это вовсе не мое дело. У каждого свои вкусы, я к змее и не притронусь, даже если Следопыт будет жевать и нахваливать, лучше с голода сдохну. Я взглянул на аппетитно хрустящего зажаренной корочкой Треску и отвернулся. И как его только не тошнит!

Тем временем в другом конце зала Молот развернул кипучую деятельность по вербовке. Он осматривал потенциальных кандидатов, как конюх жеребят, заглядывал им в рот, выискивал что-то в волосах, смотрел на руки и кулаки, а потом либо отправлял к чертям, либо говорил, где и когда они должны быть, чтобы подписать договор и получить свое первое жалованье в качестве солдат его величества.

– Это как это я не подхожу? – взревел один из тех, кому отказали. – Это что это ты такое несешь, сволочь? Спроси кого хочешь, я лучший для охраны в этом городе. – Что-то затевалось, и вся веселая компания сразу притихла, с интересом глядя на Молота.

– Может, и так, – спокойно ответил Молот. В трактире стало тихо, даже слишком, и я услышал его голос: – Но у нас весьма специфическая работа, и ты для нее не подходишь. Извини, но ты слишком стар. Что до меня, так я бы тебе и миску похлебки охранять не доверил.

– Да ты что ж, гад! – взревел старик. – Это я-то стар? – И он полез драться.

Молот приподнял бровь, улыбнулся уголком губ, покачал головой, грустно вздохнул и врезал старику по зубам.

– Ну вот, – засмеялся он, – а кричал, что лучший охранник. Так что, – он влез на стол, – кто еще думает, что я несправедливо ему отказал? Давай, подходи, хоть по одному, хоть все сразу.

– Ну-ка постой, – волосатый ухажер Шепот поднялся, – кажется, я знаю тебя. – Он нахмурил лоб. – Точно! Ты та скотина, что завербовала в армию моего братишку.

Драка удалась на славу, правда, я в ней участия не принимал. Ну разве что пару раз врезал тем, кто имел неосторожность рухнуть на мой стол. Зато Молот и Гробовщик повеселились. Они разбивали черепушки всем, что попадало им под руки: столами, скамьями, кувшинами и просто кулаками. У них не было желания убивать или калечить, они просто выводили из строя нападавших и делали это с ловкостью, до которой многим бродячим циркачам далеко.

Довольно хохоча, Молот вскочил на стол и зашвырнул прыщавого юнца на малюсенький балкончик над общим залом.

– Ну что, – орал он, – есть еще желающие полетать? Даю уроки бесплатно и без всякой магии!

Местные немного призадумались – а нужно ли им уметь летать? – но, видимо, решили, что кое-кому это не повредит, и пошли на решающий штурм. Атаку возглавил будущий муж Шепот. Он рычал и махал руками, нанося своим дружкам урону больше, чем Молот и Гробовщик вместе взятые.

Толпа ринулась на стол. Молот вертелся, как грешник на сковородке, безумно хохотал, отбрасывая атакующих, но его усилий явно не хватало. Зажатый в углу, Гробовщик не мог ему ничем помочь. Казалось, еще мгновение – и Молота сомнут. Но для чего-то они нас сюда притащили, значит, настало время им слегка помочь. Да и размяться не помешает.

Переглянувшись, мы поднялись со своих мест. Треска перепрыгнул через стол, Следопыт же размеренно обошел шаткое строение и на ходу вытащил из кармана кастет. Я поднял с пола

что-то тяжелое и, взвесив это что-то, остался доволен. Треска уже углубился в толпу, во всю глотку выкрикивая ругательства из рыбацкого жаргона. Следопыт смял первую попавшуюся под руку физиономию и, не торопясь, направился за Треской. Я выбрал себе цель поприятней на вид и уже было замахнулся дубиной, как кто-то перехватил мою руку и так рванул в сторону, что оружие выпало, да и сам я едва устоял на ногах.

– Куда ты прешь, недоумок? – заорала мне в ухо Шепот. – Ты, тупица чертов, прочитал записку?

– Какую записку?

– Да чтоб тебя, безмозглый идиот! – ругалась Шепот. – Я чуть себя под нож не подвела, а он… Пошли со мной!

– А-а?.. – Я головой указал на свалку из тел.

– Не боись, без тебя справятся.

Она подхватила меня под руку и потащила на улицу.

– Направо! – крикнула она, вытолкав меня наружу. Я послушно повернул направо.

– Черт! – крикнула она, когда мы свернули за угол, и метнулась в небольшую нишу дома.

Мной она воспользовалась как щитом. Приятного в этом было мало, я и понятия не имел, что происходит за моей спиной, но скорее не понял, а ощутил, что к волосатому громиле торопилось небольшое, но чертовски злое подкрепление. Шепот оплела меня руками и… Целоваться она умеет. И еще как! Еще б ей не уметь, столько лет беспрестанных тренировок. Мне не хотелось отрываться от ее губ, но она оттолкнула меня и высунулась на улицу.

– Все, – сказала она, – пойдем!

И мы пошли. В сгустившихся сумерках город не казался таким страшным и неухоженным, как при свете дня, но вонь не исчезала даже ночью.

– Куда ты меня тащишь? – решился спросить я, когда мы миновали два квартала.

– Узнаешь, – усмехнулась она, и мне даже не надо было видеть ее лицо, чтобы понять, что она насмехается надо мной. – Скоро узнаешь, – добавила она.

Я умолк, а, наверно, зря. Скоро оказалось не так уж скоро. До этого на небо выползла луна, и снова стало видно городскую грязь. Луна в этом городе, похоже, тоже воняла. Я трижды порывался проблеваться, но всякий раз Шепот тащила меня дальше. И вдруг вонь кончилась и лунный свет уступил место масляным фонарям. Мы вышли на площадь.

Вот это я понимаю, вот это столица во всей ее красе! Золото, серебро, росписи на стенах, стекло в окнах, а повыше от земли – дорогущие витражи из разноцветных стеклышек. Люди ходят размеренно и все сплошь разодеты как на праздник. У многих в одежду вплетены золотые нити, или я ничего не понимаю в драгоценных металлах. Я остановился, выпучил глаза и открыл рот, глядя на все это. Шепот тихонько толкнула меня вперед, но я стоял как столб, привлекая всеобщее внимание. Я думал, что «скоро» – это здесь, и никуда не собирался идти.

– Шевелись, тупица! – прошипела она мне в ухо. Я шевельнул. Рукой. На большее меня не хватило.

Я был под впечатлением, и все силы уходили на разглядывание великолепия центральной площади главного города страны.

– Ну пошел! – Она толкнула меня.

Я сделал пару шагов и наконец пришел в себя.

– Где это мы? – спросил я.

– Неважно, нам надо дальше.

Она снова схватила меня за руку и потащила через площадь. Она тащила меня, а я крутил головой во все стороны, глядя на окружавшее меня великолепие. Жаль, что «скоро» это не здесь, я бы тут погулял пару часиков.

– Пришли! – сказала она, когда мы сошли с площади в парк. – Смотри вон туда. – Она ткнула рукой мне в лицо. Я посмотрел на ее пальцы, но так и не понял, зачем тут оказался.

– И что? – спросил я. – Пальцы как пальцы.

– Тупица! – выругалась Шепот. – Не на руки мои смотри. Вон туда смотри!

Обеими руками она сжала мне голову и повернула в сторону. Сквозь листву и кусты проглядывал огромный серый дом, скрытый оградой из колючих кустов.

– Ну – спросил я, – и чего мы тут делаем? – Не хотелось и думать, что «скоро» могло скрываться в колючих кустах.

– Там, – Шепот кивнула в сторону дома, – находится твое персональное задание. Правда, Молот о нем пока еще не в курсе, но он узнает.

– А когда узнает, не обрадуется, – добавил я. Перед моими глазами пронеслись живые картинки экзекуции неуправляемого и в то же время скромного рядового по имени Медный, который по собственной глупости пошел на поводу у Шепот. А ведь она даже не была частью отряда Молота, так, прибившаяся старая шлюха. Вот Молот-то обрадуется возможности поорать на меня и показать другим, что пощады им ждать не стоит, раз его брату так от него достается.

– Ну это мы еще посмотрим, – задумчиво сказала Шепот и замолчала, но по ее тону я понял, что ее одолевают те же мысли.

– Ладно, – выдохнул я, – раз уж мы пришли, то давай объясняй, чего мы тут делаем?

– Значит, так. – Она опустилась на корточки, и я невольно уткнулся взглядом в два крупных бугра ее груди. – Это местный дом сирот. Он существует за счет казны и пожертвований местных богатеев. Дети там ни в чем не нуждаются, но вот когда они оттуда выходят, они не знают, что делать.

– Ага, – перебил я ее, с трудом отведя взгляд от ее груди, – и тебя посетила потрясающая идея завербовать молодняк оттуда.

– В общем, да. Но идея не моя. Ну… это неважно. Короче, тебе надо проникнуть туда и просто предложить им это. Всю основную работу за тебя уже сделали.

– Кто?

– Да уж не я. Поверь мне, Медный, ты мне нравишься, но делить с тобой деньги я бы не стала.

– Тогда откуда такая забота обо мне?

– Да пошел ты! И вовсе не о тебе я забочусь. Не интересуешь ты меня. Ну ни капли.

– Тогда почему?

– Да что ты заладил как попугай! – А она попугая-то видела хоть раз? – Подумай сам немножко. Если все это устроила не я и Молот об этом даже не догадывается, тогда кто мог все это устроить? Подумай, кому ты небезразличен настолько, что ради тебя человек готов пожертвовать своей свободой и сказаться сиротой? К тому же этот человек мне совсем небезразличен и ради него я готова на все.

– Адель? – без особой уверенности предположил я.

– Догадался! – облегченно выдохнула Шепот. – Это она все придумала. Она так хочет, чтоб ты ни в чем не нуждался и побыстрее продвинулся по службе. Она всерьез на тебя нацелилась.

– И ты не возражаешь? – усмехнулся я.

– А что мне делать? Я ей всего лишь тетка, а никак не мать.

– И где она?

– Внутри. Тебя ждет.

– Это мне туда лезть?

Я оглядел колючую изгородь, и воображение нарисовало, как колючки впиваются в кожу, в кровь раздирая ее. Никакие деньги не стоят такого удовольствия. Я и без свидания с Аделью обойдусь, не надо меня туда запихивать.

– Ты совсем идиот или прикидываешься? – скосив на меня взгляд, спросила Шепот и, вложив пальцы в рот, свистнула.

Через мгновение из кустов показалась голова Адели.

– Привет! – сказала повзрослевшая девочка и обворожительно улыбнулась. – Я уже думала, что вы не придете.

– И не пришли бы, – ответила Шепот, – этот обормот… – Она осеклась, перехватив мой взгляд, и, уставившись в землю, смущенно произнесла: – Ну вы тут поворкуйте, голубки, я тебя там подожду.

Она ушла, а мы с Адель присели на резную деревянную скамейку, спрятанную в глубине окружающих приют неколючих кустов. Она смотрела мне в глаза и осторожно улыбалась. Я молчал. Я не знал, что ей сказать. Я был рад ее увидеть, рад, что с ней все в порядке, но вот о чем с ней говорить, я не знал.

– Ну и как твоя служба? – спросила она.

– Нормально, – ответил я, чувствуя, как пересыхает во рту. И не только. Все было сухим, до самого желудка. Я с трудом сглотнул колючую, как шкура у ежа, слюну и выдавил: – А как твоя жизнь?

– Моя? – переспросила она. – Бывало и получше. Но ничего, жизнь в путешествии мне нравится. Медный, тебя ведь теперь так зовут? Медный… Странное у тебя имя, за что тебя так прозвали?

– Это очень долгая и очень неприятная история. Давай я расскажу ее тебе в следующий раз. Хорошо? – Она кивнула. – А сейчас давай о деле. Шепот вечно напустит туману. Я из ее рассказа понял только то, что ты здесь. Так в чем там соль? – Я решил говорить о деле, чтобы не говорить ни о чем другом.

Черт, разговор о другом может далеко нас завести.

– О деле так о деле, – разочарованно выдохнула Адель и начала рассказывать.

Рассказ ее получился долгим, и чем дольше я ее слушал, тем больше поражался безграничному цинизму этой маленькой и миловидной девчушки.

Она предлагала прийти в этот дом и записать всех сразу, без разбору, мол, у них все равно другого будущего нет, а скоро у них выпуск и они окажутся на улице с небольшой суммой золотом в кармане. Кстати, его она тоже предложила отобрать. И все будут довольны. Дети будут всегда под присмотром сержантов, прям как тут – под неусыпным оком надзирателей, армия получит своих новобранцев, а мы с ней – чертову уйму денег.

Адель была уверена в успехе. Она уже успела со многими переговорить, и большинство из них с радостью приняли ее предложение, меньшинство, подумав, тоже не стало упираться. Так что мне осталось только разжиться у Молота контрактами – и я богатый человек.

А она? Ну что ж, она тоже находила в этом свои плюсы, недвусмысленно намекнув, что если мы пока припрячем денежку, то потом нам ее вполне хватит на небольшой домик в южных областях и на прокорм до конца наших дней, да еще и детям останется.

Выслушав все это, я раздумывал не более секунды и с радостью согласился. С особой радостью я бы согласился на последнюю часть ее предложения, но она была слишком мала, а я связан контрактом. Впрочем, и все остальные части были неплохи. Мне осточертело быть младшим братом Молота, пора доказать, что я и сам по себе кое-чего стою. Пора было становиться самим собой. Вот только как мне проникнуть внутрь?

– Этого тебе делать не придется, – улыбнулась Адель.

Ну зачем она так делает? Зачем? Я же не железный и могу не выдержать такого обращения с собой. Ах, какая у нее улыбка!

– Послезавтра весь этот дом едет в храм. Служители храма хотят заполучить молодняк не меньше, чем мы, но большинство ребят туда не желает. Они не хотят часами стоять на коленях и молиться неизвестно о чем. Да и за забором такой большой мир, а в нем столько разных

приятных вещей. Например, мы, женщины. – Она хитро улыбнулась и положила свою руку мне на колено. – Я им кое-что порассказала, – засмеялась она.

– Ты-то откуда знаешь о приятных вещах? – нахмурился я, убирая ее руку.

– От тети Шепот, откуда же еще. Она мне много чего рассказывает. От меня-то ей нечего скрывать?

Вот, значит, как. Шепот готовит себе смену, оно и понятно, ее красота не вечна и скоро возраст начнет сказываться. А кто клюнет на старое сморщенное тело?

– Ладно, – пообещав себе поговорить с Шепот, произнес я. – И где этот самый храм?

– Ты не найдешь, но тетя Шепот знает. Она тебе покажет.

– Что ж, – я встал, – тогда до послезавтра.

– Да, – она тоже поднялась, – до послезавтра. – Ее глаза блеснули, и, прежде чем я успел что-то сообразить, она бросилась мне на шею и ее губы впились в мои.

– Это за что? – спросил я, когда она отпрыгнула в сторону.

– Тебе не понравилось?

– Ну что ты, это было чудесно, – сказал я первое, что пришло на ум, хотя это и в самом деле было так. – Но все же чем я заслужил такую честь?

– Тогда в Триите я тебя не поблагодарила, – ответила она и, игриво вскинув голову, исчезла в кустах.

Я смотрел, как за ней сомкнулись кусты, и не мог пошевелиться. Мне хотелось ее догнать, сказать, что сделанное тогда мной в Триите не стоило благодарности и что если она по-настоящему хочет меня поблагодарить, то я подожду пару-тройку лет, а там мы уж отблагодарим друг друга от души! Но я не пошевелился. Я стоял и смотрел, как ее спрятали кусты, как последний раз в лунном свете мелькнуло ее платье и скрылось в темноте.

– Ну что, герой-любовник, пошли домой? – недовольным голосом осведомилась Шепот.

– Да, – ответил я. – Пошли. – И еще раз взглянул в ту сторону, куда убежала Адель, словно она могла вернуться.

Молот воспринял эту новость с куда меньшим энтузиазмом, чем я. Может, идея ему и понравилась, но сначала он наорал на меня за то, что я – оставил место драки и едва не подставил всех своим внезапным исчезновением. Потом за то, что слушаю всяких шлюх вроде Шепот, и только потом позволил еще раз изложить суть предложения Адель.

Второй раз он слушал с большим интересом, щурясь и довольно потирая руки. Он уже делил деньги и подсчитывал барыши. Дослушав и досчитав до конца, он дал добро, пообещав лично отрезать мне уши, если я запорю мероприятие. Запарывать я его не собирался, а, наоборот, собирался не только заслужить прощение Трески за его подбитый глаз, но и слегка разбогатеть. Правда, придется делиться с Шепот, но таковы издержки нашей профессии: кто-то находит придурков, кто-то делает всю остальную работу.

Адель я увидел сразу, как показалась толпа почти совершеннолетних детишек. Она шла в окружении стайки парней и весело смеялась, но чем ближе они подходили к храму, тем нетерпеливее она крутила головой. Когда они подошли к колоннам, я вышел вперед. Адель улыбнулась и кивнула. Я уселся на ступенях. Мне оставалось только ждать, когда молодняк сообразит, кто я такой.

Тощий лысеющий монах встретил их у входа и, растянув узкую рожу в улыбке, принялся им вещать о праведной жизни. С того места, где я сидел, мне было плохо слышно, что он говорил, да и не хотелось слушать. Я привалился к колонне и подставил лицо солнцу. Глаза закрылись сами собой, и я погрузился в дремоту.

Однако сон мой был не настолько крепок, чтобы не услышать, как Ад ель пытается подойти ко мне, неслышно ступая. Ее платье шелестит по-особому, и ножки не так, как у всех, отсчитывают шаги.

– Ну что? – спросил я, не открывая глаз. – Ребята созрели для жизни военного?

– Откуда ты знаешь, что это я? – обиженно спросила она.

– А кто еще может подойти к зажарившемуся на солнце спящему солдату? – для пущей убедительности я потянулся, зевая. – Ну где парни?

– Сейчас будут. Жди здесь. Контракты при тебе?

Я кивнул и хлопнул себя по груди. Она убежала и через пару минут в трех шагах от меня замер невысокий прыщавый юнец. Он долго мялся, крутил в руках шапку и наконец подошел.

– Это вы? – спросил он.

– Смотря кого ты ищешь, – ответил я, напуская на себя вид бывалого солдата.

– Я ищу вербовщика. – Он испуганно оглянулся по сторонам.

– Считай, что нашел. – Я вытащил из-за пазухи контракт и баночку с сажей. – Шлепни палец тут, если серьезно решил.

– Да, – ответил он и уверенно ткнул пальцем в сажу, а затем на контракт.

Я вручил ему ничего не значащую бумажку и сказал, где и когда он должен быть. Он взмахнул этой бумаженцией над головой и, довольно улыбаясь, побежал в храм.

Приятно делать людей счастливыми. А богатеть на этом – еще приятней. Чертовски приятные ощущения.

К вечеру я проделал эту процедуру пятьдесят четыре раза. И когда собирался проделать ее в пятьдесят пятый, явился он.

– Какого хрена ты тут делаешь? – без обиняков начал он.

Я смерил его взглядом, впечатления на меня он не произвел. Мелкий, лысый старикашка оперся на посох, на него же он положил начавшее – выпирать пузо. Из всей возможной растительности на лице остались только тонкие брови, которые, как он их ни хмурил, были не в состоянии придать его круглому лицу злобное выражение. Но он их хмурил, дрожал губами, раздувал ноздри, говоря проще, стремился напугать меня до полусмерти,

– Тебе чего, дед? Чего так невежливо? – спокойно спросил я.

– Какая, к бесу, вежливость! Спугнул мои деньги, вон как их пятки сверкают.

– Шлепай отсюда. Не мешай солдату отдыхать.

– Я второй раз тебя спрашиваю, – не обратив внимания на мои слова, произнес он, – какого хрена ты тут делаешь?

– На солнышке греюсь! – рыкнул я. – Дед, тебе боле заняться нечем? Отстань! Иди, куда шел. В свою веру ты меня не обратишь, так что исчезни!

– Исчезнешь ты! – вдруг взревел он и, прежде чем я успел что-то сообразить, врезал мне в живот батогом.

Что-то теплое брызнуло на кожу, боль пронзила тело, в позвоночник уперлась колонна. Дед отпрыгнул, я медленно поднялся и… На ступени храма упали капли крови, моей крови. В голове помутнело. Сумка! Контракты! Деньги! Я начал шарить рукой возле ног, но она уже красовалась на плече толстячка, а он улепетывал так быстро, как только мог. Я хотел броситься за ним, но вместо этого начал сползать по колонне. Через улицу ко мне бросился Треска, но свернул и помчался за дедом. Следопыт подхватил меня на руки, он что-то говорил, и я чувствовал, как он ковыряется в моем брюхе.

Потом была ночь. Луна и ангел. Ангел и холодный компресс на пышущую жаром голову. Черт, что скажет Молот? Как я мог так облажаться? Кто этот ангел с теплыми нежными руками? Два ангела и черти подле них. Мне больше нравится тот ангелок, что помоложе, хотя, какая теперь разница, похоже, конец тебе, Медный. То-то Молот обрадуется. Молот! Нет, с ангелом мне было лучше. Ангел! Молот! Треска! Следопыт! Куда вы гады, дели ангела? Ангел! Адель?!

Глава 4
ДЫРКА В БРЮХЕ

Рана оказалась не такой серьезной, как всем показалось. Палка того деда была вымазана каким-то наркотиком с непроизносимым названием, вот меня и понесло про ангелов, а рана, так, дырка в боку, ни один жизненно важный орган не задет.

Я вполне мог бы отлежаться под присмотром Адели и снова приступить к попыткам вербовки. Я был бы этому очень даже рад. И Аделька бы возражать не стала. Но Молот счел, что мне будет лучше под пристальным взором Грязнули, чем на тряской дороге. И я был с позором отправлен в ставший родным домом военный городок близ Берроя.

Вот такой он, мой брат. Я согласен, мне может стать хуже, сильно хуже, но незачем было делать из меня посмешище для всей армии. Но спорить с ним бесполезно, он меня и слушать не стал, напялил погоны и давай, как малолетку, отчитывать. Будто я и сам не понимаю, что он прав. Понимаю! Но не хочу никуда ехать, тут обо мне девушка заботится, а Грязнуля только что по званию доктор. Коновал он, а не доктор.

Грязнуля, докторишка-недомерок, осмотрев ранение, долго матерился и честил всех нас за нерасторопность и непролазную тупость. Он даже не удосужился разобраться в произошедшем. И пока он накладывал бинты, я узнал о себе, Молоте и всех вокруг столько всего интересного, что аж уши повяли. Вот запишу все, что он тут наговорил, да Молоту отдам, тогда посмотрим, кто из нас окажется идиотом.

Покончив с бинтами, Грязнуля, не переставая поносить все вокруг, отправил меня спать. Чем я и занимался до сегодняшнего утра. И утром тоже. Но вежливое покашливание, перешедшее в надрывный кашель, разбудило меня. Я открыл глаза, нехотя повернул голову и вскочил, завидев сперва усы, а уж после разглядев погоны.

– Ну, Медный, – прокашлявшись, голосом не предвещавшим ничего хорошего, произнес капитан. – Да ты лежи, лежи! – остановил он мой порыв вытянуться в струнку. – Тебя, говорят, зацепило?

– Да. Чуть-чуть, – смутился я. – Но это ерунда, Грязнуля говорит, все будет нормально.

– Ну если Грязнуля говорит, значит, так оно и будет, – задумчиво произнес капитан. – Но, как я погляжу, уже все нормально, вон как ты бодренько прыгаешь. – Капитан сдержанно улыбнулся. – Да не стой ты, – сказал он, садясь на край лежака, и, обведя глазами комнату, спросил: – Слушай, а где Молот?

– Еще не вернулся, – отчеканил я, как учили, и ощутил резкую боль в боку.

– Жаль, – сказал капитан, взглядом приказав мне сесть. – А то у меня кой-какие сложности. Совсем маленькие, но без его помощи не разобраться.

Он достал из-за пазухи завернутый в кожу, еще не открытый пакет и задумчиво вертел его в руках.

– Кстати, – он нахмурил брови, – что ты тут делаешь? Это офицерское место. Рядовым тут делать нечего.

– Ну мы с Молотом в некотором роде братья, – смутившись ответил я. – Он возражать не будет. Он сам приказал мне его занять.

– Как это братья в некотором роде? – передразнил меня капитан.

– Мы росли вместе. Я же подкидыш. – И я рассказал ему краткую историю жизни моего семейства.

– Ясно, – сказал он, убирая пакет. – Ну тогда лежи, отдыхай. Только начальству не попадайся.

Можно подумать, он не старше меня по званию. Можно подумать, он тут не самый старший, а так, по хозчасти. Но он тут главный, он тут господь бог и, если бы хотел меня выкинуть, давно бы выбросил.

– Пойду поищу еще кого-нибудь, – грустно вздохнув, добавил он.

– Может, я чем могу помочь? – спросил я и пожалел о своем вопросе.

Нет чтоб следовать солдатскому правилу, гласившему «при начальстве рта не разевай». Я и жизнь по правилам несовместимы. Я раскрываю рот там, где его нужно держать закрытым, я лезу туда, куда без приказа не полез бы и Молот. Впрочем, этот без приказа вообще ничего по службе не делает.

Капитан остановился, вперил в меня хитрый взгляд, задумчиво почесал затылок.

– Ну попробуй, – улыбаясь сказал он, протягивая пакет. – Утром привезли, а я, видишь, стар стал, глаза уже не те. Не вижу я этих мелких штабных букв. – Он продолжат говорить, пока я вскрывал пакет. – Мне обычно Молот все читает, он у нас единственный грамотный. Ну что там?

– Это на рагере, – сказал я, разглядывая причудливые закорючки.

Глаза капитана округлились еще больше, когда я прочитал письмо, переводя на ходу. Он сидел с открытым ртом, и концы его боевых усов слегка подрагивали.

– Тьфу ты пропасть! – ругнулся я, обнаружив текст на родном языке. – Тут приписка. Главнокомандующий западной армией сообщает нам, что мы переданы под командование главнокомандующего южной группировкой и нам надлежит в течение месяца сняться с места и прибыть в Тапис. Вот и все.

– В течение месяца сняться или прибыть? – уточнил капитан.

– Не знаю, – ответил я, перечитав послание. – Тут написано «надлежит в течение месяца сняться и прибыть».

– Так и написано? – спросил капитан, сощурив глаза. Я кивнул. – Вот и славно. – Он поднялся, забрал у меня пакет. – А ты, оказывается, грамотный. – Капитан обернулся на пороге. – Ты вот что, Медный, собираться-то не торопись. И пока помалкивай об этом.

С этими словами капитан удалился, а я предался своему любимому занятию, погрузившись в него с головой. Я спал!

И вновь потянулись скучные серые дни. Серыми они были от природы. Та сволочь, что ведает погодой, словно нарочно не выдала ни одного солнечного дня. Тоже мне, разгар лета! Скорее уж сезон дождей! Зато наши сержанты-наставники не могли нарадоваться этому явлению. Они не просто радовались, а открыто смеялись, гоняя молодежь в учебке. Постепенно я тоже пристрастился к этому занятию.

Я не гонял молодежь, добрая половина которой старше меня по возрасту. Я наблюдал. Только теперь, когда меня уже не касались эти издевательства, я понял, какое это блаженство – гонять молодняк!

Черт возьми, до чего же забавно пыжатся желторотики! А сержанты знай подбрасывают им все новые и новые трудности. А я, не так давно избавившийся от этого груза, сижу себе под навесом, потягиваю пиво местного приготовления и потешаюсь. Иногда сержанты предлагают и мне поучаствовать в празднике и побегать немного в полном вооружении. Нет, вот уж спасибо, не надо, набегался, сил нет. Дайте отдохнуть, да и ранен я. Ведь куда как приятней потягивать пиво, главное, чтобы Грязнуля не заметил.

А Грязнуля ворчит, что я не соблюдаю режима, и подбивает сержантов поучить меня немного. Но особо в этом не усердствует, ему не улыбается угробить меня и получить хорошую зуботычину от Молота.

Капитан же начал неторопливые сборы. Ему не хочется покидать насиженное место, и он не скрывает своего нежелания. Что же до всяких писем, то он просил меня об этом молчать. Славный наш капитан, но уже старый и до смерти боится отставки. Он ничего не умет в жизни,

кроме как убивать да отправлять на смерть, правда, никогда не делает это по прихоти. Но вот если ему поручат заткнуть нами дыру, он и раздумывать не будет. Заткнет, и плевать ему на жертвы.

Так я и жил, не спеша пакуя мешок с нехитрыми пожитками. К концу второй недели капитан объявил, что больше не может ждать Молота, и отбыл на новое место службы. Он хотел сам проконтролировать подготовку к нашему приезду. А Молоту повелел передать кое-что на словах. Большинство этих слов я уже слышал ранее от Грязнули.

– Почему туда? – спросил все еще покрытый слоем дорожной пыли Молот. – Почему именно туда?

– А я почем знаю? – Я развел руками. – Спроси у начальства.

– Ладно, спрошу, – согласился он. – Не хочешь на дело своих рук поглядеть? – Спросил он и кивнул на улицу.

– А что там? – Я нахмурился. Пусть лучше скажет, я не хочу под дождь.

– Завербованные тобой сироты. Все пришли, как один. Еще и тех, кого ты не успел захомутать, притащили. Ты теперь богатый человек. Жениться можешь. Да и женушка у тебя на подходе.

Он засмеялся и ушел, а я скорчил рожу ему вслед, не в драку же с ним лезть.

И Молот не забыл спросить капитана, прибыв на место. Капитан повторил мои жесты и слова с такой точностью, будто видел, что именно я делал. Молот недовольно забурчал и удалился. Я его понимаю; там, на старом месте, у нас осталось все: и знакомые кабатчики в Беррое, и известные нам и потому делающие скидки женщины весьма легкого поведения. Но не это расстраивало Молота, мало, что ль, кабаков в округе, да и баб хватает, но вот его личные дела, не имеющие никакого отношения к службе, проворачивать будет сложнее.

– Ты подумай, – говорил я ему, – тут Триит недалеко. Пара дней верхом, и Мелинда будет очень счастлива тебя видеть. Глядишь, если чаще встречаться будете, и племянников у меня прибавится.

Он злился еще больше и порывался побить мою и без того побитую физиономию. Но советом все же воспользовался, и это принесло ему утешение. На время.

И все было как всегда. Мы занимались тем, что проигрывали друг другу в карты жалованье на год вперед и ходили по окрестным деревням и городкам. В Триит я не совался. Это Молота не тронут, они его боятся, а я еще пожить хочу. Да и куда мне ездить, тут и так есть все, или почти все необходимое для жизни. Единственное, чего мне не хватало, так это сержантов, гоняющих молодежь.

– Вот вы где, мальчики! – крикнула Шепот с порога.

Она такая, никогда не знаешь, когда заявится. И потому она всегда неожиданна и нежеланна, как резь в желудке. Она стояла и ждала, когда кто-нибудь обрадуется ее появлению. Мы радоваться не спешили.

– А я-то вас обыскалась, – запинаясь, проговорила она. – Вы чего так далеко уехали?

– Начальство приказало, – рыкнул Молот и тут же подобрел. – А ты какими судьбами?

– По тебе, милый мой, соскучилась, – сказала Шепот, обретая уверенность, и, вильнув задом, подошла к Молоту. – Ты бы хоть побрился, дорогуша, – добавила она, проведя рукой по его щеке.

– А зачем? – удивился Молот. – Местные бабы меня и таким любят.

– Так то местные, – улыбаясь, ответила она. – Я же не отсюда. Не местная я. Так что ради меня придется тебе это сбрить.

– Как думаешь, Медный, стоит? – спросил он у меня.

– Стоит, стоит, – ответила за меня Шепот, – еще как стоит. – Она строила ему глазки, явно намекая, что ночь впустую не пройдет. – Подтверди, Медный!

– Да пошли вы, – обронил я и добавил: – Мне свечку не держать.

– Кстати, – она переключилась на меня, – Адель тебе привет передавала и поцелуй. – Ее губы сложились в трубочку и вытянулись в мою сторону.

– За привет спасибо, – отозвался я, – а поцелуй я лучше от нее получу. Где она, кстати?

– Ну как знаешь, – махнула рукой Шепот, утратив ко мне всякий интерес и пропустив вопрос мимо ушей. – Так что, мы идем бриться?

– Ох, – застонал Молот. – Ну пойдем, разве от тебя отвяжешься.

И они ушли, оставив меня одного и даже ничего не сказав про Адель.

Дня через два Молот, захватив с собой Метиса, Гробовщика и Шепот, исчез из городка. Капитан не желал его отпускать, но Молот нашел доводы, не позволившие капитану его удержать. Он не раз так поступал и всякий раз возвращался с карманами, набитыми деньгами. Он никогда ими не сорил, на старость, что ль, копит? Дурак, он даже и не задумывается, что до старости может и не дожить.

Еще пару дней спустя меня вызвал к себе капитан. Я ожидал очередного письма из штаба или выговора за очередной мордобой с телесными повреждениями, но он, не говоря ни слова, вручил мне капральские лычки.

Глава 5
ИГРОКИ

Палар, стоя в дверях, терпеливо ждал, когда король закончит утренний туалет и удостоит его вниманием. Король же не спешил. Он не торопясь умылся, сам причесал волосы, привел в порядок бороду и только после этого, накинув на плечи просторный халат, повернулся к Палару.

– Ну, друг мой, – проговорил он, садясь на край стула за массивным столом, – и как дела в нашем королевстве? Какие новости?

– Боюсь, ваше величество, – вздохнул Палар, озябшими пальцами теребя край куртки, – у меня печальные новости. В нашем королевстве случилась беда.

– Сдох? – спросил король, отведя взгляд в сторону. Его губы сжались в тонкую линию, глаза сощурились, между бровями пролегла глубокая морщина. – Сдох, старая сволочь! – выдохнул он. – Сдох раньше меня. Всю жизнь он так – никогда не мог сделать того, что от него требовалось. Вот скажи мне, что мешало ему прожить еще пару лет? Нет, этот сукин сын решил осложнить мне напоследок жизнь.

Король замолчал и отвернулся от поверенного. Его кулаки сжались, из груди вырвался рык. Палар, мелко дрожа, подошел ближе и, тронув короля за плечо, спросил:

– И что теперь будет, ваше величество?

– Что будет, – проворчал король, – война будет. Он хоть преемника назвал?

Палар покачал головой.

– Ублюдок, – выдохнул король. – Значит, нам с тобой придется его выбрать.

– Это непростая работа, – грустно вздохнул Палар, он-то знал, на чьи плечи возложит король этот выбор. Это его не радовало, старые плечи королевского поверенного могли и не выдержать такой ответственности.

– Верно, – согласился монарх, – непростая, но что делать? Такова королевская доля, придется выбирать самого достойного из числа недостойных. – Он замолчал, потер подбородок и вдруг, хитро сощурив глаз, проговорил: – А что, если нам с тобой разыграть интересную партию?

– Вы что-то придумали? – ожил Палар и тут же помрачнел, он был уже слишком стар, чтобы плести интриги.

– Придумал, придумал, – улыбнулся король. – Подойди-ка ко мне и внимательно выслушай, что я тебе скажу.

Палар придвинул стул и сел, наклонившись к лицу монарха. Он слушал внимательно, изредка вставляя в речь короля короткие фразы со своими предложениями. Некоторые из них монарх принимал, другие резко отвергал. Через два часа план был готов.

Король приказал подать завтрак. Поглощая еду с серебряных тарелок, он улыбался и подмигивал поверенному.

– Все-таки это рискованно, – вздохнул Палар. – Слишком много всяких «если».

– Ты прав, но, черт возьми, сделать это необходимо. Нам с тобой надо быстро на что-то решаться, а времени на раздумье нет совсем. Так что придется действовать быстро и решительно. Представь, что ты на войне. Мы можем проиграть это сражение, но оно само даст нам время, которого у нас нет сейчас. – Король вздохнул и, рассмеявшись, продолжил: – Это может быть очень красивая игра.

– Время – это да, – словно не слыша последних слов монарха, пробормотал Палар. – Но и для вашего плана требуется время. Нам нужно найти исполнителей и все подготовить. Нельзя же так бросаться в логово волков, не зная, как из него выбраться.

– Ты прав, – весело улыбаясь, кивнул король, – но ты знаешь, что слова часто могут больше, чем все оружие мира. Нам нужно выиграть совсем немного, и в этом нам помогут слухи. Люди, – засмеялся монарх, – легче всего верят в самую откровенную чушь. Мы запустим пару самых невероятных слухов, а там поглядим, куда нас это вынесет.

– Но слухи не дадут нам много времени.

– Брось причитать! – резко оборвал его король. – Мы не можем позволить себе потерять Таеру. Не можем и ввергнуть страну в войну за нее. Представь, сколько стервятников слетятся на оставшуюся без присмотра землю. Нам еще повезет, если ее получит преданный государству человек. А если нет? Я не хочу об этом даже думать. И слышать ничего о риске не желаю. Я хочу передать сыну крепкое государство, а для этого нам надо действовать. И действовать надо быстро. Так что ты будешь делать то, что сказал я! А сомневаться будешь у себя в спальне.

– Я согласен, – выдохнул Палар.

– Будто у тебя был выбор, – хмыкнул король. – Если начнется крупная заваруха, меня, конечно, скинут, а тебя просто повесят. Ты ведь слишком долго был моим поверенным и слишком много обо всех знаешь.

– Но нам нужен тот, кому все поверят, – выдохнул Палар.

Он старался не думать о том, что сейчас сказал король, хотя и чувствовал, что монарх прав.

– Грамааль тебе подойдет? – спросил король.

– Грамаль? – удивился Палар. – Но ведь он же…

– Он хочет уйти на покой, – сказал король. – К тому же он признал свои ошибки и попросил прощения. Но мое прощение надо еще заслужить. А вот это и даст ему такую возможность. Так что? Подойдет тебе Грамаль?

– Больше чем кто-то другой. Он же был там, когда убили графиню.

– Вот именно. Для всего остального у тебя есть надежные, неболтливые люди?

– Я обо всем позабочусь, ваше величество! – Палар встал и поклонился.

– Замечательно! – широко улыбнулся король. – Ну а я, пожалуй, позволю себе немного поболеть после похорон старого друга. Как ты думаешь, кто станет регентом?

Палар засмеялся и покачал головой. В мозгу монарха зрел не один коварный план и не одна интрига, позволяющая ему не только затянуть время, но и держать своих врагов подле себя. Конечно, Палар знал, кто станет регентом. Это не радовало его, но и не сильно огорчало.

Поклонившись, он покинул покои короля и, продолжая улыбаться и качать головой, спустился вниз. Совсем скоро Магрок осиротеет, и столица временно переместится в другое место. Но это будет совсем ненадолго. Скоро все станет на свои места. Скорей бы!

– Риску много! – проговорил агент тайной полиции, придирчиво разглядывая аккуратно обработанные ногти.

– С каких это пор ты стал бояться риска? – нахмурившись, спросил Палар.

– Риску много, – развалившись в кресле, повторил агент и, оторвавшись от ногтей, добавил: – И расходов.

– Пусть последнее тебя не волнует, – уверенно сказал Палар. – Казна все оплатит.

– Это хорошо, – закрыв глаза и почти скрывшись за разделяющим их столом, пробормотал агент. – Но риску все же многовато. Это же ищи людей, внедряйся. Да и потом, не нравится мне все это. Не люблю я колдунов. И интриги всякие тоже не люблю.

– Но за это хорошо платят. – Палар положил на стол большой мешок. – Здесь пятьсот золотых. Это твои деньги. А вот это, – на стол лег еще один мешок, такой же, как и предыдущий, – это на расходы. Если окажется мало, обратишься ко мне. Лично ко мне!

– Что ж. – Агент по очереди осмотрел свои руки, даже не взглянув на мешки. – Я согласен.

– Хорошо, – улыбнулся Палар. – А есть у тебя подходящие люди для этого?

– Так вспомнить не могу, – улыбнулся агент, – но если поднапрячься, пожалуй, вспомню пару светлых личностей с темным прошлым. Как я понимаю, нам все равно, какого полу ребенок?

– Все равно, – покачал головой Палар. – Абсолютно! Главное, чтобы по возрасту подходил.

– Тогда, я думаю, мы все устроим в ближайшие дни. Я все устрою, господин Палар! – уверенно сказал он. – Можете не волноваться и доложить об этом его величеству!

– Его величество тебя не забудет, – пообещал Палар. Кивнув агенту, он поднялся и направился к дверям.

– Да мне плевать, – произнес агент, когда дверь за Паларом закрылась, – лишь бы платили хорошо.

Она почти не упиралась и не раздумывала, а увидев перед собой мешочек, звякнувший сотней золотых, согласилась. Ее красивое лицо растянулось в многообещающей улыбке, когда она услышала, что это только аванс.

В ее голове зрел собственный план, он это чувствовал, он всегда чувствовал такие вещи. Собственно, за это его и ценили. Он был способен разрушить любой замысел врага, но на этот раз у него не было никаких инструкций. Государь через своего поверенного требовал быстрых действий, и она подходила для этого как нельзя лучше. Какие у них планы – это не его головная боль. Его наняли для вполне определенного задания, и его-то он как раз и выполняет. Обо всем остальном пусть заботится Палар.

– Мне нужна картинка, – устало произнес он. – Все должно быть красиво.

– Будет тебе красиво, – пообещала она. – Я все сделаю! Скажи, куда ее привезти.

– Никуда! – отрезал он. – Спрячь ее в надежном месте и не высовывайся. Ее будут искать, и, поверь мне, если найдут, мы с тобой не обрадуемся этому. Главное – будь с ней рядом и смотри, чтобы с ней ничего не случилось. Я сам тебя найду, – сказал он, поднявшись. – Только не забудь о своих обещаниях.

– Да что ты, радость моя! – Она всплеснула руками. – Разве я когда-нибудь не держала своего слова?

– Не знаю, может, ты изменилась, – пожал он плечами. – И смотри, ей ничего не говори! – приказал он и ушел.

Она долго еще сидела, рассыпая по столу монеты, складывая их стопкой, запускала в них руки и думала о том, что это далеко не все деньги, что она может получить от него. А может, и кое-что, кроме денег, смотря как оно все повернется. Он не посвятил ее в свои планы, да это и не требовалось, достаточно только слегка напрячься и немного подумать, как станет все понятно. Им нужна маленькая девочка, ей нужны деньги, ведь ее тело не всегда будет таким. А девочка, ну что ж, может, и она окажется в выигрыше.

Она улыбнулась, ссыпала монеты в мешочек и, спрятав его глубоко под одеждой, улыбаясь, направилась туда, где ее ждали давно знакомые и уже опротивевшие лица.

Через три дня все было готово. Он набрал людей, надежных и неболтливых, обеспечил их формой и документами. Он связался с Грамалем и договорился обо всем. Он даже позаботился о контактах с действующими частями. Форма сержанта-разведчика не тяготила его, хотя он давно ее не надевал. И только надев, почувствовал, как соскучился по тем дням, когда каждый день она украшала его особу.

Все было готово. Оставалось только ждать сигнала к действию. А пока его не было, он позволил себе немного расслабиться и совершил маленькое путешествие в Таеру.

Глава 6
СЛУХИ, СЛУХИ!

Говорят, слухами земля полнится. Еще говорят, что слухи – это правдивые вести, солидно разбавленные вымыслом.

Интересно, что за правдивые вести должны были заставить наше начальство поднять задницы с насиженных мест и выгнать нас на учения. Молот не переставая ворчал и говорил, что за все годы его службы такого никогда не было. Он утверждал, что ни дня не провел в окопах или полевых шатрах без острой на то необходимости. Все старички согласно кивали и, качая головами, поучали молодежь, то есть нас, как правильно делать это и это.

Но ни они, ни тем более мы и не догадывались, что произошло с начальством. И почему, едва успевал закончиться один сбор, тут же начинался другой. Имеющие семьи не встречались с ними месяцами, представляю, как радовались жены возвращению мужей. Впрочем, и остальные рвались домой, пусть дом этот – только пропахшая застарелым потом, дерьмом и грязью казарма. Зато она родная и даже ее запахи не кажутся столь отвратительными. Но и этот предел мечтаний был нам недоступен.

Начальство выдумывало все новые неприятности на нашу голову. Выдумывало и молчало. Зачем? Солдаты задавали вопросы, капралы пожимали плечами, сержанты рычали, младшие офицеры ругались матом, старшие просто посылали всех туда, куда не так-то просто дойти.

Но слухи – странная вещь, они путешествуют по воздуху и цепляются за уши готовых их услышать голов.

Никто не покидал расположения лагеря, официально – точно никто. Никто не приезжал к нам с большой земли, но слухи тем не менее до нас дошли и даже бдительные сержанты ничего не смогли с этим поделать.

Черт подери, что это были за слухи, один нелепее и страшнее другого. Говорили, что мы тренируемся, чтобы совместно с арийскими войсками принять участие в большой охоте на заведшегося у них оборотня-людоеда. Следопыт высмеял эту версию, заявив, что оборотень – наполовину зверь и, значит, ловить его надо как зверя, а мы тут учимся военному ремеслу. Черт бы его, это военное ремесло, побрал, мало, что ли, нас в учебке мурыжили. Но Молот поддержал Следопыта, и с этим никто уже спорить не стал. Все согласились, что так оно и есть.

Но не успел еще этот слух умолкнуть, как появился другой. Слышавшие его из первых рук, то есть по большей части от себя самих или Трепы, утверждали, что никакого оборотня в Аринии нет и не было никогда. Это, конечно, здорово, а то страху напустили. Но с аринцами мы сотрудничать все же будем, и тренируют нас именно для этого. А работать вместе мы будем, когда на Пейнат пойдем.

Вот здорово, всю жизнь мечтал стать захватчиком и при этом еще и по горам научиться лазать. Нет, ребята, это полное дерьмо! Какой, к лешему, Пейнат? Он от нас надежно спрятан не только горами, но и самой Аринией. Так что бред это все, но высшее начальство поддержало этот слух, попросту не отреагировав на него. И солдаты всерьез начали в это верить. Даже мое здравомыслие и вера в собственную правоту пошатнулись, когда, кроме меня, никто не засомневался в этом. Однако слух умер сам собой, когда нас перебросили от западных границ к южным.

Там появился другой слух, за ним еще один, потом еще, а потом еще. И так до бесконечности.

Но и кроме слухов о нашем будущем нам было что обсуждать долгими ночами у костра, во время недолгих перерывов в муштре. Проходя через города – а как ни старалось высшее руководство, этого избежать не сумело, – мы подцепили уйму слухов, один забавнее другого.

Причем каждый из них претендовал на высокое звание новости и полную правдоподобность. Если не сказать больше.

Знающие люди говорили, что король, узнав, что граф Таерский умер, сильно расстроился, заболел и был отправлен в Лесфад на лечение. Капитан это подтвердил. Брр, в Лесфад, на лечение, жуть какая, там только пиявку можно вылечить от обезвоживания. Сам я там никогда не был, но с картами знаком хорошо. Лесфад это не город, скорее замок посреди болот. Нашел строитель кочку покрупнее да и влепил туда свое творение. Черт побери, чтобы там жить, надо жабрами обзавестись. Если бы меня туда лечиться отправили, я бы лучше удавился потихоньку. Там, говорят, комары со свинью размером.

Слухов о короле было много. Одни говорили, что он сошел с ума, другие, более осведомленные, утверждали, что король не сошел с ума, а его свели. Третьи слали всех подальше и с полной уверенностью говорили, что король там просто спрятался от всех, пока не решит, что дальше ему делать с королевством. А думать ему было о чем, с единственным-то наследником. Наш правитель – человек интересный, он запросто может отречься от престола не в пользу сына, а, скажем, Аринийского князя или парня вроде меня. Так что мыслей в коронованной голове крутилось предостаточно, в одном только Магроке тыщ пятьсот жителей, а уж по всей стране претендентов и того больше. Ну и пусть себе думает, на то ему и дадена корона.

И когда, казалось, я уже слышал все, что только можно было выдумать, пришел и поселился самый странный и самый неприятный слух. Зараза всегда приживается быстрее, чем что-то полезное, и когда кто-то услышал его и повторил несколько раз, он настолько плотно уселся в мозгу каждого из нас, что вытравить его было невозможно. Каждый встречный норовил оттащить тебя в сторону и, посекундно оглядываясь, прошептать в ухо: «Ты слышал о ребенке?» Слышал ли я о нем? Да об этом только глашатай на площади еще не трубил. Конечно, я о нем слышал и меня это не радует. Кто-то очень постарался представить все так, чтобы оно не выглядело враньем. Чуешь, что это неправда, но, черт его возьми, все так гладенько, что очень на правду похоже. Небось сказочника нанимали. Точно, сказочника! Он и придумал королю ребенка, которого никто никогда не видел и даже не слышал о нем раньше.

Ребенок тот полу неопределенного и возрасту неизвестного. Доподлинно известно только, что он есть и что он вроде как жив, да еще место, где он потерялся. О чудо, наш второй наследник потерялся примерно пятнадцать – двадцать лет назад невдалеке от небольшого городка Триита.

Выдумщики хреновы! Вот поймаю того сказочника, что все это сочинил, и вобью ему сказку в глотку!

Но, узнав об этом, даже Молот стал на меня странно поглядывать и иногда, в разговорах один на один, забывался, кланялся мне и говорил «ваше высочество». Принца нашел!

Ну да, своих родителей я не знаю, ну да, нашли меня на пороге маленького триитского трактира завернутого в одну рваную пеленку. Ну да, и по возрасту я подхожу. Но на пеленке не было королевских вензелей. И профиль у меня не знатный. Да и не хочу я быть королем.

Мое нежелание становиться знатной особой было облечено мною в форму молчаливого протеста. Я попросту прятался, ни с кем не общался, зарылся и даже не дышал. Еще бы! Каждая скотина, прознав про столь выдающуюся череду совпадений, при встрече со мной норовила низко поклониться и съязвить. «Ваше медное величество!» – дружно говорили они при встрече.

А потом также дружно и извинялись, когда выяснилось, что ребенку сейчас около пятнадцати и я никак не попадаю в этот возраст и что ребенок вовсе даже не королевский, а того самого графа, который недавно изволил почить с миром. Аристократ не может нормально сдохнуть, он именно «изволит почить». И так как граф не оставил наследника, то за его земли началась мышиная возня, грозящая перерасти в драконью грызню. Слишком много претендентов на эти земли. А земли уж очень хороши, плодородны, богаты дичью, рыба там сама

прыгает в лодку, стоит только от берега отплыть. Рай земной, а не земли. Вот потому-то нас и убрали, от греха подальше, чтоб лишних соблазнов не создавать.

Это все рассказал капитан под страшным секретом одному только Трепе. Но Трепа есть Трепа, и вскоре об этом знали все. А капитан ходил и улыбался в усы, глядя, как начальство ломает голову, откуда солдатня все узнала.

В общем, не стану я королем. Жаль, я уже начал привыкать к мысли о будущем правлении страной. После этого все как-то быстро поутихло, меня даже перестали дразнить. Ну а несколько дней спустя начальство решило, что мы уже достаточно наморозили себе задницы, никто из претендентов не проявил рвения по перетаскиванию нас на свою сторону, а значит, пора бы нам заняться более приятными делами. К тому же приближалась жаркая для нас, вербовщиков, пора, очередной сезон охоты. Молот прям-таки рвался домой, а попав туда, принялся раздавать указания.

Глава 7
ЗАХВАТ ГРАМАЛЯ

Все вокруг косо смотрели на меня, полагая, что за моим повышением стоит Молот, и, конечно, ошибались. Молот хоть и был лучшим вербовщиком в армии, но и он не мог повлиять на генерала, раздающего звания и сидящего черт-те где. Он не мог, а вот капитан мог. Мог и повлиял. При встрече он подмигивал мне, а я хранил наш маленький секрет.

Секрет был в том, что капитан наш подслеповат, а то и вовсе не умеет читать, а я, в отличие от большинства сослуживцев, умею и читать, и писать. Этим счастьем я обязан человеку, которого с восторгом буду вспоминать и в последний день жизни. Своему отцу. В то время как большинство парней моего возраста дрались на улицах и лапали соседских девок, я под его пристальным взором корпел над книгами. Сперва букварями и историями, а потом над бухгалтерскими.

Тогда я его за это ненавидел и тихонько, чтоб он не слышал, ругал словами, смысл которых часто не понимал. Теперь же я ему благодарен и готов петь песни в его честь хоть до утра. Грамотных и по всей стране не так-то много, а уж в армии и подавно. Так что меня заприметили и начали тянуть наверх. И это было бы неплохо, если бы вместе с жалованьем не прибавилось внимания начальства. А его, на мою беду, прибавилось.

Моего братца любимого, лейтенанта Молота, и его закадычного друга, второго, не менее любимого лейтенанта Метиса где-то вечно черти носили. Они обстряпывали разные, не совсем чистые делишки, прикрываясь нуждами вербовочной команды. Они занимались чем угодно, только не вверенными им подразделениями. И вся тяжесть заботы о солдатах легла на плечи сержантов, как старших по званию, и на мои, как брата командира. Так что авторитета я набрался будь здоров, ребра до сих пор ноют.

И когда разведка доложила, что Грамаль едет по лесам, чуть севернее наших позиций, почти без охраны, я едва не запрыгал от радости. У наших штабных крыс хватило ума и чувства юмора назначить меня главным ответственным своей шеей за его поимку.

Я не возражал, да и попробуй тут возрази, когда тебя буравят пять пар злобных подслеповатых глаз. Даже твой собственный капитан смотрит так, что сразу становится понятно: не сможешь взять Грамаля – не возвращайся назад.

Вот так я и оказался в дерьме по уши. Мне подкинули людей Метиса, переподчинили два отряда разведчиков, ведших Грамаля от самого Санрогта и, чтобы радость была полной, добавили к ним парней лейтенанта Холодка, раненного в уличной драке. Хотя правильнее было бы сказать раненной, но она скрывала, что она женщина, и все делали вид, что не знают об этом, а она делала вид, что не знает о том, что и так все об этом знают. Но, как бы то ни было, у меня набрался солидный для капрала отряд – в нем было почти сорок человек, не считая разведчиков.

Я подозревал, что людей маловато, особенно в охоте на такого зверя, как Грамаль. Но руководство решило не баловать меня излишками численного состава и пинком под зад отправило ловить старого козла. Хорошо уже то, что они удосужились сказать, где искать.

Грамаль – самый старый и самый противный чародей из всех, что мне приходилось встречать. Правда, их и было-то всего трое, может, четверо, но Грамаль – особенный. Лет пятнадцать назад он крепко повздорил с королем и, говорят, даже врезал монарху по зубам. С тех пор король его и ненавидит. Ненавидеть-то ненавидит, да сделать с ним ничего не может. Влиятельный тип этот самый Грамаль.

Правда, я не понимаю, что в нем такого. Он был стар и немощен уже тогда, когда шесть лет назад останавливался у нас в трактире, что же стало с ним теперь? Теперь, наверное, он

просто старая развалина, которая путешествует по стране и сама не помнит зачем, а может, и помнит…

– У-у-ух! – Окорок бесцеремонно вломился в мои размышления о Грамале, скатившись сверху нам на головы. – Святые ляжки, чем это тут у вас так несет? – спросил он, втянув носом воздух.

– Медный обделался, – хохотнул Треска. – Решил себе имя сменить на Вонючку.

– Вонючка? – Окорок почесал голову. – А что, тебе пойдет. Только знаешь, лучше б ты так врагов травил. Нас-то за что?

– Да нет, – вставил слово Следопыт, – это он нас от Грамаля маскирует, чтоб не унюхал. Так что ты, Окорок, не очень-то. Он, можно сказать, благое дело делает. Новую тактику осваивает.

– Это где ж такой тактике обучают? Надо б сходить, подучиться, – задорно подмигнув мне, сказал Окорок.

Окорок такой же капрал, как и я, но опыта у него побольше, и если уж его так коробит, что командиром назначили меня, то как должны на меня смотреть сержанты. Их взглядов я не вижу, нет с нами ни одного.

– Да на кухне, когда сушеным горохом кормят, – за меня ответил Следопыт.

– Так это мы после обеда маскируемся? – Окорок поднял брови. – А я-то думал, соревнуемся, кто громче пукнет.

– Заткнитесь, вы, – рыкнул я, – а то, как вернемся, всех на кухню отправлю лук на всю армию чистить да горох жрать тазами! И в казарму не пущу. Мне вонючие нытики в казарме не нужны!

– А что, я за! – отозвался Треска. – Повар получает двойную порцию.

– Рыба – она и есть рыба, горох готов хоть сырой жрать. Слышь, Треска, тебе его на крючок не насадить, но у меня тут есть один, специально для таких случаев держу.

Треска шутку не оценил, и говоривший зарылся мордой в землю. Я не знал его, видать, холодковский.

– Ты чего? – взвизгнул он. – Другие же шутят.

– Другим можно, – обняв его за плечи, увещевал Окорок, – а тебе пока нельзя. Это право надо заслужить. Вот съешь с ним пару тазов гороха, почистишь три-четыре воза лука да раз двадцать напоишь его до полусмерти, тогда и ты сможешь про крючки шутить. А так, видишь, даже я не смею, горох шибко не люблю, а про Треску без гороху нельзя. Про Медного и без меди можно, а про Треску без гороха ну никак.

– Заткнись, Окорок! – прорычал Дед. – Все заткнитесь!

Мы заткнулись, ну почти замолчали, дальше перебранка шла вполголоса. Смешки, издевки друг над другом, обидные замечания в адрес всех родственников Грамаля до седьмого колена, генералов, пославших нас сюда, и меня. Как будто я виноват, что Грамаль чуть тащится и цепляется за каждую ветку и нам приходится торчать под открытым небом днем и ночью. Да я бы и сам не прочь быстрей покончить со всем этим.

– Ты, брат Медный, не переживай насчет этого, – во всеуслышание шептал Окорок, – со мной было то же самое. Я тоже в первый раз не смог желудок сдержать. Правда, ребята тогда никому ничего не сказали. Отличные были парни, не то что мы.

– Да уж мы-то всем расскажем. Верно, Трепа? Проклятье, а я и забыл, что он тоже с нами увязался, теперь смеху будет на всю армию.

Передо мной возникло усатое лицо капитана, пытающегося сдержать улыбку и рассуждающего о поднятии духа солдат. Трепа уж точно не сдержится, он из тех солдат, от которых стремится избавиться каждый командир. Под чьим бы командованием он ни находился, секреты его командира вмиг становились достоянием общественности. Проверено, если бы не

этот полудурок, никто бы до сих пор не знал, что Холодок – баба и ради чего мы мерзли в Берройских степях.

Мать его! И попробуй потом доказать, что ты тут ни при чем, что это тут земля так воняет. Эх, прощайте надежды на повышение, хоть бы имя не сменили, я к этому как-то привык. Ладно, хрен с ним, с Трепой, я потом разберусь, по-свойски, по-капральски. Сейчас важно другое и, черт возьми, какая разница, как будут тебя величать, если ты уже гниешь в могиле.

Я выбрался из канавки, в которой мы устроили засаду, и огляделся. Поляна что надо! Дорога проходит сквозь нее по самой середине, и ни один самый гениальный полководец не в состоянии обыскать все деревья, окружающие поляну плотной стеной, чтобы увериться в своей безопасности. Посреди же поляны мы, с подачи Следопыта, свалили старое сухое дерево в два обхвата. Ох и намаялись мы с ним, пока тащили!

Я тихонько хохотнул, предвкушая удивление Грамаля, когда мы повыскакиваем отовсюду, а он, как баран, будет пялиться на дерево и соображать, откуда оно тут взялось.

– Во-во, навонял, а теперь ржет. Самому-то нюхать не приходится, – снизу зашипел Окорок. – Че ржешь-то? Нам скажи, тоже посмеемся, а то от вони голова уже болит и сидеть невмоготу.

Я не ответил. Зачем? Не хочу я порождать новую волну насмешек. Они нужны мне боеспособные, что проку от вояк, держащихся за животы и давящихся смехом.

Еще раз глянув на поляну, я спустился вниз. Что ж, Грамалю не повезло дважды. Во-первых, он и не подозревает, что мы его ждем, по крайней мере, уж очень хочется в это верить, а во-вторых, он тащится с востока и заходящее солнце должно его ослепить, ну просто обязано. Конечно, если он появится сегодня, а то вдруг нам еще пару дней гнить тут?

Да нет, не должен. Дрейп, сержант разведчиков, обещал его поторопить. Как – не сказал. Что ж, будем ждать.

Грамаль въехал на поляну и застрял у сооруженной нами преграды, его охранение, понося все на чем свет стоит, пыталось оттащить дерево с дороги.

– Без охраны, твою мать! Сучьи дети, и это они называют без охраны! – Окорок разглядывал двенадцать человек в форме лорда Паарских земель. – Ну чего делать будем? – осведомился он у меня.

Твари они все, эти генералы. Неужто, чтобы стать генералом, надо быть такой тварью? Я ведь ничего не знаю ни о тактике, ни о маневрах, капрала в такие вещи не посвящают, его дело – заставлять своих людей отдавать жизни по приказу вышестоящего. Хоть бы одного сержанта дали. Хотя бы вшивого инвалида. Ну хоть кого-нибудь, кто в этом что-то понимает. Надо хоть изобразить из себя умного.

– Треска, Трепа, тащите сюда свои стрелялки. Дайте-ка залп.

Нервно смеясь, они попытались скрыться.

– Стоять! – рявкнул я. – Видите вон того старика, заденете его, и я вас собственными руками придушу. Выполнять!

Стрелки у нас отменные. Нет, правда. Они выстрелили, и трое из пятерых оставшихся на лошадях упали.

– Вперед! – заорал я.

Мы с воплями и улюлюканьем бросились на тех, кто остался. Двое наших упали сразу, об одного я споткнулся и оказался нос к носу с его обгоревшим черепом. Когда же я снова поднялся на ноги, разведчики, при поддержке солдат Окорока, сцепились с охранением, пытаясь отрезать их от повозки. Мои люди всеми силами старались не попасть под молнии, обильно сыпавшиеся с рук Грамаля. Не всем это удавалось.

Размахивая мечом, я бросился к ним. Первый, кому удалось добраться до повозки, получил увесистым посохом по голове и осел, но против Трески у колдуна аргументов уже не оказалось и, получив рукоятью меча по черепушке, он повалился на землю. Треска издал побед-

ный клич, оставшиеся в живых люди Грамаля – злобный рык и начали теснить тех, кто пытался не пустить их к хозяину. Я подбежал к Треске, заламывавшему колдуну руки и одновременно снимавшему с себя пояс, чтоб их связать.

– Ну что, он? – перекрикивая лязг железа, спросил Треска, подняв голову колдуна за волосы.

– Он! – выдохнул я.

Твою мать, так вот почему главный тут – я! – Ведь я единственный из бывших в распоряжении генерала людей, кто знал этого ублюдка в лицо.

– Че стали? – рявкнул я на вдруг решивших, что все уже кончилось, людей. – Помочь никто не желает?

Мы крепко связали колдуна своими поясами, веревку, конечно, взять никто не догадался, моя вина, я же командир, и пока мы этим занимались, Окорок добил последнего охранника. Тяжело дыша, он подошел к нам. Сопровождавший его Дрейп подмигнул мне.

– Ну вот и все, – проговорил Окорок, пытаясь вытереть забрызганное кровью лицо залитой кровью рукавицей. – Взяли-таки засранца. Святые ляжки, он же дряхлый, как пенсия инвалида.

– Потери большие? – Я оставил без внимания его замечание, этому старикану только дай волю – и не дышать нам больше, череп-то он одним ударом проломил.

– Не знаю. Не считал еще.

– Грязнуля, твою мать, ты где там зарылся!

Грязнуля любит латать полученные нами дыры и терпеть не может смотреть, как мы их получаем. Свое прозвище он получил за манию чистоты, которая была у него всегда, кроме тех моментов, когда он нас латал, а делать это ему приходилось постоянно.

– Эй, медицинская твоя душонка, у нас тут раненых полно.

Он редко принимал участие в боевых операциях, да на этом никто и не настаивал, врач нужен целым и невредимым, иначе трупов будет куда как больше, да и толку от него. Со скальпелем он обращался лучше, чем с мечом.

Всклокоченный и какой-то серый, Грязнуля вылез из той канавы, где мы прятались в ожидании колдуна. Как всегда, он бормотал себе под нос ругательства, обращенные в наш адрес, за нерасторопность и неосторожность. Медленно он подошел к нам. Теперь стало ясно, откуда взялась та вонь, которую так бесстыдно приписали мне. Это же отметили и все вокруг. Над поляной раздался хохот, порожденный парой десяток глоток.

– Медный, ты это, ты извини, – сквозь смех, пытался говорить Окорок, – мы же не знали, мы думали, это ты. – Он заржал.

– Катись к дьяволу! – бросил я. – Ранеными лучше займись! – И я залез в повозку.

Грамаль не отличается любовью к порядку. Его вещи валялись где попало и как попало, удивительно, как он что-то находит в такой горе хлама.

А хлама тут предостаточно. Заношенная до дыр, засаленная одежда, стоптанные сапоги, книги, пара сундучков с разноцветными стекляшками, предназначение которых способен разгадать только еще один маг, благо среди нас таковых не было. Какие-то свитки аккуратно уложены в углу, и это единственное напоминание о порядке.

Черт побери, чтобы разобраться со всем этим, нужна не одна неделя, но ничего, у наших штабных олухов времени предостаточно, вот пусть и занимаются, а я свою работу сделал.

Опа, а это что? Мое внимание привлек медальон, аккуратно висящий на гвоздике, вбитом в дальнюю стенку. Я бы не заметил его, но он блеснул на солнце, ослепив меня. На вид, похоже, золотой. Кто сказал, что я его не заслужил, это же мой военный трофей. И пусть хоть один штабник хоть что-то вякнет, зарою! Я, чертыхаясь, перелез через гору тряпья и снял его. Золото! Чистейшее! Ну все, теперь осталось его только переплавить – и можно бросать все это военное дело к чертям собачьим и заняться тем, что я на самом деле умею. Трактирщиков

убивают реже, чем солдат. Только надо его спрятать, а то парни, не ровен час, отымут или сдадут… что за хрень?

Медальон скрипнул и открылся. Я ойкнул и сел. Оттуда на меня смотрело знакомое до боли лицо. Если снять с него лет пятнадцать, то именно эти сладкие, слегка пухловатые губки я целовал в день моей вербовки.

Но этого не может быть! Нет! Невозможно, так не бывает! Я застыл, погруженный в созерцание портрета и, утонув в ее небесно-голубых глазах, не заметил, как сзади подкрался Треска.

– Ты чего тут, уснул, что ль? – подойдя, спросил он. – О, Аделька! – добавил он, заглянув мне через плечо. – Где взял?

Черт меня возьми, я настолько был погружен в созерцание лица нашей маленькой девочки, что даже не подумал закрыть медальон, когда этот придурок появился рядом. Теперь уже поздно это исправлять, но все же…

– Это не она! – Я захлопнул медальон.

– Да брось ты! – Он вырвал медальон у меня из рук и снова открыл. – Ну она, что я говорил? А что это у нее на голове? Корона, что ль? – Он захрипел, до него начало медленно доходить. – Вот черт, – пискнул он.

Я навалился на него, прижав к вороху тряпья. Одной рукой я зажал ему рот, другой ткнул под ребра.

– Ты не видел этого! – прохрипел я. – Никогда не видел! Забудь об этом, если шкура дорога. Понятно?

Он кивнул, еще бы ему не было понятно. После восьми месяцев в окопах, после всего, что мы слышали, такие вещи становились понятны и идиоту. Наверняка и нас сюда послали именно за этой штукой, а Грамаль – просто никому не нужный старый пердун.

Я отобрал медальон у Трески и снова заглянул туда. На одном портрете была Адель. На втором – дородный мужик, весь в вензелях, с надменным взором и какой-то непонятной хреновиной в руках. Ну ни дать ни взять король или герцог, ну граф на худой конец. Я так и сел. От посетивших меня мыслей во рту пересохло, дышать стало трудно, думать тоже. Но думать надо было.

Тут, возможно, граф, я не видел его лично, но… Нет, черт возьми, надо проверить. Но если предположить, что это и. есть почивший граф, а на втором портрете – его жена, то, черт возьми, она как две капли воды похожа на Адель или Адель на нее, и, если все так, тогда теперь мы действительно по уши в дерьме.

Я помог подняться Треске и вытолкал его на улицу. Свежий воздух опьянил, и я привалился к повозке. Мимо, опустив глаза в землю, протопал Дед. С другой стороны повозки Окорок обсуждал с кем-то подробности состоявшейся драки. Мне стало дурно, и я сел на землю, облокотившись на колесо.

– Ты не ранен? – поинтересовался знакомый голос. Я поднял глаза. Передо мной, зажимая перебинтованную ногу, стоял Дрейп.

– Нет, – ответил я. – Просто устал.

– Ну устал, это ерунда, – усмехнулся разведчик. – Главное – цел. Меня-то, видишь, зацепили. – Он засмеялся.

– Да цел, цел. – Я равнодушно махнул рукой.

– Мы тебе еще нужны? – спросил Дрейп.

– Нет. Дальше сами как-нибудь.

– Ну тогда мы пойдем, нам еще к Станрогту возвращаться. Да, Медный, лейтенанта нашего заберете. Убило его.

Я кивнул, проводил разведчика глазами и отправился собираться домой.

В обратный путь мы собрались только к вечеру, пришлось ждать, пока Грязнуля залатает раненых. Ребята, не пострадавшие в стычке, веселились и шутили о незавидном положении раненых, мол, если не изойдут кровью, то уж точно – задохнутся.

Лишь мне да Треске было не до шуток. Мы мрачно переглядывались, изредка ловя на себе взгляды товарищей, не понимающих наше настроение.

– Да брось ты, Медный! – пытался подбодрить меня Окорок, думая, что я впал в это состояние, услышав о потерях. – Сам живой, и ладно. Война – это тебе не прогулка с грудастой девицей под звездами, тут, брат, нарваться всякий может. Так что ты не переживай, ребята не зря умерли, козла-то мы этого поймали.

Взять-то взяли, да что-то меня это не радовало, уж лучше бы вообще никогда не слышать о нем.

Погибших помянут добрым словом, а их семьи, у кого они были, получат немного денег, и все будут думать, что все замечательно, и только мне теперь трястись за свою шкуру да следить, чтоб Треска свой рыбий рот не раскрывал.

Грязнуля закончил с ранеными, мертвые уже на местах, наши в повозках, охранники Грамаля в кустах. Все расселись, и караван медленно двинулся домой.

Глава 8
ГЕРОЙ

Грамаль оказался весьма беспокойным старикашкой. Он без конца ворочался, стонал и, совершенно забыв о гигиене, испражнялся прямо под себя. За что и получал по зубам. Вскоре его лицо напоминало тарелку с кровавой кашей. Но никто не узнает об этом, на последней ночевке мы помыли его, стерли запекшуюся кровь и слегка приодели. Оказалось, все не так страшно, выглядит он вполне прилично. Ну синяки, ну шишки, так брали-то его с боем. А если эта сволочь начнет рассказывать, как с ним обращались, – получит еще.

Едва повозка с Грамалем въехала в ворота, к нам бросилась толпа народу. Генерал лично пожал мне руку, свободной рукой поглаживая себе лысину и млея от удовольствия. Капитан расчувствовался. Он долго всех обнимал, хлопал по плечам и, размахивая перед нашими лицами огромным кулаком, кричал, какие мы молодцы. Толпа бесновалась и славила бесстрашных солдат его величества.

А вот я не радовался. Проходя сквозь толпу, я слышал, что именно они пели, и от этого становилось дурно. Бесстрашные! Чушь собачья. Мы-то бесстрашные? У меня вон коленки трясутся и мутит со страху, того и гляди, брошу все и побегу в лес прятаться. Или как в детстве, под кровать, там ни один страх не найдет. Хотя лучше на кровать, спать жутко хочется.

Я спал два дня, не просыпаясь. На третье утро, разлепив глаза, увидел на стуле, рядом с кроватью, новенький мундир с медалью на лацкане. Твою мать!

Это чего это я, с усталости койку перепутал? Вот черт, вернется хозяин – зароет. Ладно, без паники, чей он хоть, а то, может, договоримся, будить же не стали.

Я сел, тупо глядя на сверкающий пуговицами китель. Я перепутал койки. Капельки холодного пота собирались на спине в широкий ручеек. Три галочки на предплечье, жалкое подобие погон на плечах. Сержант, чье место я занял, меня убьет. Маленький кусочек украшенной вензелем бумаги торчит из нагрудного кармана. Наградная! Может, меня простят? Я осторожно, двумя пальцами, за уголок извлек бумагу и развернул ее.

Пару минут я покрывался потом, читая мелкие штабные закорючки. Пару минут после этого приходил в себя. А еще пара минут ушла на то, чтобы унять смех, разобравший меня вместо исчезнувшего страха. Мой! Это мой мундир висит на стуле. И койки я не путал. Это мое. Я теперь сержант и медаль имею. Поев, побрившись и снова поев, я совершил вылазку.

Ну не мог я не надеть новенький, сверкающий пуговицами и позолоченными лычками мундир. Солнце припекает совсем не по-осеннему, птички поют, и жизнь прекрасна, когда в желудке есть место для вина.

– Эй, капрал, а ну-ка поди сюда! – окликнул меня веселый, до боли знакомый голос.

Я повернулся на пятках начищенных кем-то сапог и, выставив напоказ лычки, встретился с Молотом взглядом. Он поперхнулся. Его рот открылся, а взгляд, лишь мельком скользнув по моему сияющему лицу, вцепился в знаки отличия.

– Это что еще такое? – прохрипел он, ставя на сбитый из неструганых досок стол кружку. – Ты что, совсем охренел? А ну, сымай мундир, пока начальство не увидело!

– И не подумаю. – Я надул губы.

С чего бы это вдруг я должен снимать собственный мундир? Не дождется, если, конечно, не снимет силой.

– Да ты что? – Он поднялся. – Снимай, тебе говорю! Не как командир говорю, как брат. Знаешь что с самозванцами делают?

– Доброе утро, сержант, – отсалютовал мне шедший мимо Окорок. – Как спалось?

– Да вы что? – Молот побагровел. – Совсем мозгов лишились? Ну ладно этот – мальчишка, но ты, Окорок, тебе ли не знать, что с ним будет.

– А что с ним будет? – Окорок остановился и вытаращил глаза. – Ну ответственности больше станет, людей под команду добавят. И жалованья подкинут поболе моего раза в два, – грустно добавил он.

– Не заставляй меня делать это силой, сымай сам! – взревел Молот.

Я не шелохнулся.

– Святые ляжки, мой-то тебе зачем? – зажимая ворот мундира руками, вскрикнул Окорок.

– Ладно, – Молот встал. – Метис, помоги-ка мне образумить этого недоумка.

– Да пошли вы! – пискнул Окорок и удрал.

Я остался в одиночестве. Молот обходил меня справа, Метис – слева. Против двух скал в живом обличье у меня никаких шансов. Да и против одного, любого из них, тоже. Я отскочил назад и вытащил из кармана бумагу.

– На, – гордо произнес я, – почитай! Только внимательно читай и платочком запасись, еще прослезишься.

Молот взял листок и погрузился в чтение. Метис по-прежнему стоял, плотоядно глядя на меня, и разминал кулаки. Меня это пугало. Метис – безмозглое орудие в руках Молота, но не дай бог встретиться с ним в темном переулке. Он никогда не думает, ему просто нечем да и незачем утруждать себя подобным занятием, но кости он ломает отменно. Ломая кости, он и дослужился до лейтенанта. А став офицером, сдружился с Молотом и забросил службу. И пока Молот читал, Метис не сводил с меня взгляда.

Молот читал внимательно и очень медленно, и чем дольше он читал, тем кровожаднее становился Метис. Точно руки ломать будет, он уже выбрал какую. Наконец мой брат просиял и вернул ее мне.

– Ну ты, братишка, даешь! – качая головой, проговорил он. – Стоит тебя на день оставить, так ты либо выкрасишься, либо отличишься. Что ж, поздравляю! – Его огромные руки сдавили меня. – С тебя выпивка!

Я пожал плечами. Выпивка – это само собой, кто ж упустит возможность выпить за чужой счет, да еще при таком поводе? Я и сам не прочь поставить.

– И раз уж ты такой герой, у меня для тебя сюрприз. Завтра приезжают Шепот с Аделью. Ну как, ты рад?

Ага, рад, как утопленник рад тому, что утонул в песчаном месте. Хороши же у него сюрпризы, мог бы для разнообразия приятное что-нибудь сказать. Нашли же время приезжать. Подождали бы немного, вот отправим Грамаля, тогда пожалуйста.

Я потрогал медальон на груди и, пообещав завтра отметить лычки, удалился.

Не понимаю, за что мне все это? Звание, награда, всеобщее внимание, как будто я лично Грамаля схватил. Если уж на то пошло, то все это должно было свалиться на Треску. Это он врезал Грамалю мечом и спеленал его как младенца. Это его заслуга, а я гулял и свежим воздухом дышал. Так за что? Я же теперь шагу не могу ступить, чтобы за спиной не услышать шепот: «Смотри, смотри, вон идет, это он Грамаля поймал». Теперь каждая тварь будет следить за мной и ждать чего-нибудь в том же духе, ну а я, если их надежд не оправдаю, в лучшем случае буду разжалован в рядовые. За что?

К вечеру все прояснилось. Пока я мирно спал в казарме, Треска под большим секретом поведал Трепе, как я геройски дрался. А чуть позже Трепа и сам вспомнил пару интересных подробностей.

Самое удивительное, что болтун и сам верил в то, чего не то что не видел, но даже и не было. Он расписывал поимку мага на каждом углу, каждому, кто был готов его слушать, и с каждым повторением она расцветала новыми красками, а мое участие становилось все более

весомым. Если так дальше пойдет, то дня через два я один одолею всю охрану Грамаля и поймаю этого старого пердуна, а все остальные в это время в картишки будут дуться. А что убитых столько, так это они поскользнулись или от медвежьей болезни концы отдали. А может, и я их ненароком зацепил. И никто не станет слушать ни меня, ни остальных, кричащих о причастности к этому. Но никто и не думал кричать, оставив все сомнительные удовольствия от победы мне.

Впрочем, зря я ною, и в положении героя есть свои плюсы, единовременное денежное пособие, например. И сержанты теперь не смотрят свысока и не отправят на кухню лук чистить, а капралы, так те вообще разбегаются. О рядовых я молчу, самый страшный для них человек-капрал, а сержант уже полубог, офицеров же они видят только в кошмарах. И невдомек им, бедным, что я тоже был рядовым совсем недавно.

А уж как действует новый сержантский мундир на женщин, я и представить боюсь. Надо бы увольнительную в город выпросить, опробовать его на тамошних красотках и медаль надо нацепить. Обязательно! Они, женщины, на всякие там висюльки сильно падки. Эх, чую, все бабы будут мои, другая солдатня там может не появляться, ничего им не обломится. Все же неплохо быть героем. Спасибо, Треска!

Я разочаровал Молота, отказавшись идти встречать Адель. Он-то думал, что я во сне кричу ее имя и постанываю. Может, и так, вот только что теперь мне снится?

Не решился я ему сказать, повода не нашел. Пускай относится к ней как обычно и отпускает свои шуточки насчет скорой нашей свадьбы. Все равно никто ни разу не смеялся. А я до тех пор, пока не подвернется возможность все узнать да проверить, от нее подальше буду.

Не получилось. Едва войдя в заполненный пьяными рожами кабак, она бросилась ко мне и повисла на шее. Ее руки сцепились за моей спиной, а губы добрались до щеки. Адель нежно поцеловала меня. Я не смог ответить тем же, ужом вывернулся из ее рук и отошел в сторону. Она надула губки и округлила глаза.

– Медный, ты мне не рад?

– Рад, – соврал я.

А что я должен говорить: «Не могу я, как раньше, тебя обнимать, пока все не выясню»? Тьфу! Ну и ситуация, я рад ее видеть, но совсем не рад, что она здесь.

– Плечи болят, – улыбнулся я, – ранило меня.

Все разом взглянули на меня, Треска кивнул. Он-то понимал, он-то знал.

– Что ж ты раньше-то не сказал? – прогудел Молот, он с уважением относится к ранам. – А ну покажь!

– Когда это тебя? – прошептал Следопыт, сдвинув брови.

– Потом, – я увернулся от лап Молота, – мундир долго снимать. Потом, – кивнул я Следопыту.

Он пожал плечами и успокоился. Молот успокаиваться не собирался.

– Да не стесняйся ты. Шрамы украшают мужчину. Верно, Шепот? – Он подтолкнул в бок хищно улыбающуюся тетку.

Ну авторитета и опыта тете Шепот не занимать. Половина солдат нашего гарнизона прошла через ее постель. Да что там гарнизона – армии. Половина из них ее не помнит, другая уже мертва.

– Точно! – Она спрыгнула со стола так, что все собравшиеся увидели ее великолепные ноги. – Снимай курточку! – Она протянула руки, но я снова увернулся и попал прямиком в цепкие лапки Адели.

– Отстаньте от него! – крикнула она, прижимаясь ко мне. – Что пристали к герою?

Она уже слышала? Вот черт, кого брал с собой Молот, чтобы встретить их? Неужто Трепу? Я погиб.

– Да, в самом деле, чего вы накинулись на парня? – откуда-то сверху прогудел Гробовщик.

А этот как здесь оказался? Что-то затевается. Молот ни в жизнь не стал бы собирать всех своих людей просто так. До сбора «урожая» вроде еще далеко. Что он замыслил?

Я огляделся. Дед и Носатый мирно беседуют за дальним столом. Пони о чем-то разговаривает с Карманником, Блоха потягивает пиво у стойки. Сколько знакомых и давно не виденных лиц. Нет, ну не ради же моих лычек они собрались?

– Ладно, – примирительно кивнул Молот, – потом – так потом. – Он цапнул Шепот и усадил себе на колени. – Я не понял, малыш, где выпивка?

Малыш? Для него, конечно, младший брат всегда малыш, пусть даже борода до земли и седая вся. Ненавижу его за это. Один на один еще ладно, но при подчиненных… Вон как Треска лыбится, за стол держится. Он что, уже поддал? Скотина!

Вино лилось рекой, я потратил значительно больше, чем хотел, но, когда мои денежки кончились, останавливаться никто не захотел, и на стол полетели монетки, припрятанные на черный день.

Откуда столько народу? Половину из них я в глаза раньше не видел, и все сидят, пьют, поздравляют меня и смотрят с надеждой. Они думают, я им еще налью? Ни хрена! Пора выбираться отсюда. И продолжить скромно, в семейном кругу. Человек на тридцать.

Но меня опередили. Молот, при поддержке Метиса и Гробовщика, выставил всех лишних, пощадив лишь местную пьянь. Никто и не посмел вякнуть что-то против. Руки, носы и зубы ценили все.

Вот теперь можно сидеть хоть до утра. Завтрашнего.

Шепот плюхнулась к Молоту на колени. Он обнял ее, словно она была его женой и, подмигнув мне, спросил:

– Как Окорок?

– Чего? – не понял я. – При чем тут Окорок?

– Ты был с ним, когда Грамаля ловил. Ты же теперича сержант, а мне капрала искать. Производить кого-то долго, волокиты много: с капитаном договорись, документы подготовь, отправь и сиди, жди. Некогда этим заниматься. Сезон охоты на носу. А так, взял готового, и вперед, мясо отлавливать. Так как тебе он?

– Геройский парень. Дрался здорово.

– Когда это он дрался? – растянув губы в улыбке, спросила Шепот. – Ты ж один всех победил.

Трепа, сукин сын. А подать мне его сюда на блюде, да с яблочком в его незакрывающейся пасти.

– Ты слушай больше, че мелют, – подавив гнев, проворчал я, – не такого наслушаешься. Не знай я, как выглядит Грамаль, – на первом же суку повесился от таких россказней.

– На каких это суках ты собираешься вешаться? – Мне на колени уселась Адель и, устраиваясь, принялась ерзать.

Я чуть не завыл. Молот, глядя на меня, расхохотался.

– Тебе меня уже мало? – сказала она заплетающимся язычком и смачно икнула. – Ты еще и по сукам ходишь. Смотрите на него, какой герой. Тетя Шепот, ты права во всем: мужики все сплошь подлецы.

Она что, напилась? Какая свинья ей наливала?

– Прям-таки все? – засмеялся Молот.

– Все! – кивнула Адель и свалилась под стол.

Вот так все и происходит. Он пьян, она тоже ничего не соображает, и раз – через девять месяцев одной головной болью у него больше. Ну, Медный, успокойся, не нервничай, ты не в той ситуации. Держи себя в руках, рядом с такими птицами, как она, воробью никогда не обладать лебедем. Ну почему я не нашел этот медальон на день позже?

За те месяцы, что мы не виделись, Адель изменилась. Округлилась там, где надо, подросла и, ведомая по жизни тетей Шепот, научилась обольщать. Надеюсь, что вприглядку.

– И как ты собираешься это обстряпать? – спросил я Молота, поднимая Адель и усаживая на стул.

– Перетащу его, и дело с концом, – ответил Молот.

– А отдадут?

– Куда денутся? Мне все достается. Правда, Шепот?

– Это точно. – Она встала и увлекла его за собой. Выходя, он подмигнул мне и знаками показал, чтоб я действовал.

Я не отреагировал, но Адель, похоже, видела этот жест.

Поганое выдалось утро. Солнце слишком яркое, птички слишком громкие, голова слишком тяжелая. Все сейчас слишком: слишком красивая Адель рядом и слишком перепивший я.

Мы лежали на кровати в маленькой, но отдельной, комнатенке Молота, которую я занимал с позволения высшего начальства, конечно, в его отсутствие. Я был голый. Она тоже, и тепло ее тела скорее пугало, чем приносило радость.

Меня разом охватили приступы ужаса и тошноты. Как же так я попался, нет, этого не может быть. Но коли уж произошло, то теперь ничего не изменить.

Стараясь не разбудить ее, я аккуратно вылез и… Это же Шепот! Какого черта? Она же ушла с Молотом! Как она здесь оказалась и где, черт ее возьми, Адель?

Шепот открыла глаза и улыбнулась.

– Куда ты? – потягиваясь, спросила она и схватила мою руку.

Вырваться мне удалось часа через два. Я был изможден, но доволен. Может, поэтому и не заметил капитана, мнущегося у двери.

– А где Молот? – спросил он, глядя, как я суетливо натягиваю штаны. – Ну ладно, мне на самом деле ты нужен. – Его не смущал ни мой внешний вид, ни торчащие из-под одеяла голые женские ноги. – Я слышал, погуляли вчера? Так вот, когда протрезвеешь, зайди ко мне. – И с этими словами он удалился.

Как-то недобро смотрел на меня Следопыт, видать, тоже башка раскалывается.

Молот все отрицал, называя меня сумасшедшим, и твердил, что Шепот сбежала от него и теперь это он должен на меня злиться за пропавшую ночь. Но в его глазах я явно читал другое. Он знал все. Похоже, он сам подбил ее на это. Мы говорили тихо, сидящие вокруг ничего не слышали и не обращали на нас внимания. И только Следопыт бросал на меня злобные взгляды.

– Как ты мог? – спросил он, когда мне надоело пререкаться с братом и я подошел к нему.

Я его не понял. Вчерашнее вино напрочь отбило у мозгов возможность соображать. И я тупо смотрел на Следопыта, тщетно силясь понять, о чем он. Но он сам пояснил:

– Треска мне все рассказал! – сказал он, глядя на меня сквозь кружку.

Вот же гад наш Треска. Вроде рыба, а молчать совсем не умеет. Надо было отправить его в наряд или еще куда подальше. Скажем, на далекий северный необитаемый остров. Пускай бы там медведям все рассказывал.

– А что я сделал? – спросил я.

– А ты не знаешь, что делал с Аделью ночью?

– Знаю. Но откуда тебе-то это знать? Может, мы всю ночь в карты на поцелуи играли. – Я решил не говорить ему, что провел ночь с Шепот. И утро тоже. Вообще об этом никому не скажу. Молот знает, и достаточно.

– Мне-то ты можешь не рассказывать, – обиженно надулся Следопыт. – В карты они играли. Так я тебе и поверил.

– Ну а даже если не в карты. Что с того?

– Но она же чья-то там дочь!

– А вот это надо еще доказать, – разумно сказал я. – Может, она вообще никто, а мы тут панику развели.

А в самом деле, чего я расстроился, ведь не известно еще ничего, может, она и не имеет никакого отношения к тому портрету. Просто на нее та тетка похожа или она на тетку. Жутко похожа.

– И что теперь ты будешь делать? – на всякий случай спросил я.

– Молчать, как и ты, – ответил он и одним глотком осушил кружку.

Мы замолчали. Следопыт погрузился в созерцание дна кружки, я же вовсю напрягал остатки мозгов, стараясь понять, как он может пить после вчерашнего.

– Надо бы как-нибудь рот Треске заткнуть, – промолвил я.

– Так она ж никто, – усмехнулся Следопыт.

– Ну так, на всякий случай, – смущенно ответил я. – Может, никто, а может, и кто-то. Представь, что будет, если она кто-то.

– Будет чертовски много трупов и красного цвета, – невесело усмехнулся Следопыт. – Все станет красным от крови, – вздохнул он. – Ты прав, Медный, лучше нам пока придержать эту тайну при себе. Если все выплывет, не думаю, что кто-нибудь из наших вчерашних собутыльников останется в живых.

– Может, нам смотаться, пока еще не поздно? – предложил я.

Следопыт ничего не ответил. Разинув рот, он смотрел мимо меня, вверх. Я медленно повернулся. Шепот стояла у перил, потягиваясь и выставив напоказ скрытую легкой тканью великолепную грудь.

– Так это была Шепот! – осклабился он.

– Где? – Быть дурнем до последнего – мой единственный шанс не стать посмешищем.

– Не валяй дурака, Медный. Я слышал, что творилось там, у Молота. Я подходил.

– А-а, – протянул я, выигрывая время, – так это Молот был.

Следопыт обернулся, его глаза сузились и укололи.

– Был там и здесь. С каких пор он занялся магией?

– С рождения. Слушай, чего ты меня допрашивать взялся? Я тебе что, пацан, стащивший монету?

Он промолчал.

– И вообще, ты чего-то уж больно разошелся. Рискуешь, я же теперь сержант.

Какое-то время Следопыт пытался взглядом продолбить во мне дыру, затем его взгляд скользнул по столу, ища более подходящий для этого инструмент. На мое счастье, ничего под рукой не оказалось, и он снова нырнул в кружку.

– Сержант, говоришь, – не отрывая кружки от губ, усмехнулся он. – Ну раз ты теперь начальство, скажи мне, как мы вляпались в такое липкое и вонючее дерьмо?

– Ну-ну. Не мы, а я.

В зал вошла Адель.

– И никуда мы не вляпались, так, слегка наступили, – поднимаясь, прошептал я и, встав, направился навстречу моей девочке.

Однако дойти было не суждено. Едва не сбив ее с ног, влетел адъютант капитана и заопил, перебудив всех до единого чертей в аду, и они сразу взялись за меня.

– Медный, скотина ленивая, быстро к капитану!

– Вот теперь мы в дерьме, – бросил я Следопыту. Молот поймал мой взгляд и слегка пожал плечами.

Проходя мимо Адели, я как мог лучезарней улыбнулся и подмигнул. Она улыбнулась в ответ. Боже, что у нее за улыбка, сколько в ней притягательного и многообещающего. И сама она вся светится. Будь проклят Грамаль с его медальоном! Надо спрятать чертову побрякушку

подальше, а то таскаю удавку на собственной шее. Наверняка этого старого пердуна уже допросили и он выложил им все.

Допрашивать наши умеют, знаю, сам видел. Если не признать, что ты убил королеву, то они на тебя повесят и свержение богов, и разжигание костров в аду, и пособничество в продаже душ.

А Грамаль не силен. Он сразу растает и все выложит. Конечно, он вспомнил про медальон, и капитан вызывает меня, чтоб спросить, а не брал ли ты, сучий сын Медный, такую маленькую блестящую штукенцию? Коли брал, то будь добр, верни, шибко уж она важна для всех и вся. Хрен вам, а не Адель.

Капитан знаком приказал мне войти и заткнуться. Я так и сделал, присел у дальней стены и старался не дышать, может, тогда они меня не заметят. Но наш капитан ничего не забывает и, выслушав донесения разведчиков, он повернулся ко мне.

– Значит так, Медный! – Он обеими руками ухватил кончики усов и начал их подкручивать. – У нас приказ отправить Грамаля в Лесфад. Князь-регент хочет его лично допросить.

– Ясно, а при чем тут я?

Капитан вздохнул:

– Князь хочет посмотреть на того героя, что поймал чародея.

Вот-те хрен. Они не допросили его, это хорошо, но они отправляют его в Лесфад, причем вместе со мной, а это плохо. Очень плохо. Это ужасно!

– Капитан, а можно я не поеду?

– Можно, – фу, отлегло, – если за два дня сдохнуть успеешь.

– Капитан, но не я же его взял. Это все Треска. Это он его…

– Я знаю, Медный, знаю. – Он вздохнул и по-отечески добро взглянул на меня. – Знаешь, что там тебя ждет?

– Знаю. Поэтому и не хочу. Я еще сержантский мундирчик толком не поносил. Может, все же Треску?

– Приказали тебя. – (Да что они ко мне прицепились, князь-регент меня в глаза не видел, сдался я ему!) – Ты же знаешь Грамаля, видал его, еще не будучи солдатом. Так что ты.

– Понятно, – загрустил я.

– Через два дня сюда прибудут люди князя, и ты поедешь с ними.

– Один?

– Нет. С тобой будут Холодок с десятком людей. Горгон и Плеро поведут повозки.

– И все же, почему я?

– Ты знал Грамаля. – Он правильно понял мой вопрос – Ты у нас единственный специалист по этому магу. К тому же ты капрал и командовал его блестящей поимкой. Так что кому еще?

– Ну почему я? – Временами голова отказывается работать. – Окорок тоже капрал, а разведчиками так вообще лейтенант командовал.

– Он погиб.

– Я знаю, сам видел, как его зарубили.

– Ты спал, когда решался вопрос… – Капитан умолк и бросил на меня взгляд, словно сказал слишком много.

– Ясно, – до меня начало доходить, – вам нужен был герой, и не нашлось более подходящей кандидатуры, чем спящий Медный.

– Извини, – пожал плечами капитан.

– Спасибо вам за все. Особливо за звание и медальку. Что прикажете мне делать теперь? – Грубо вышло, да мертвецу наплевать.

Капитан молчал. Он смотрел мимо меня, отводя взгляд всякий раз, когда мне удавалось его ловить. Славный старикан наш капитан. Он никогда не дал бы в обиду никого из нас, но и он ничего не может здесь поделать. Приказ есть приказ.

– Я могу идти? – Хочу напиться, да так, чтоб самого пьяного бога стошнило.

– Иди. – Капитан занялся своими делами, уткнувшись в карту и подозвав к себе разведчика.

Я вышел на воздух. Вдохнул вечернюю прохладу, подтянул пояс и, махнув на все рукой, поплелся в трактир заливать последние дни своей никчемной жизни вином.

Глава 9
ЦЕННЫЙ ГРУЗ

Люди князя так и не появились ни через два дня, ни через неделю. После десяти дней ожидания капитан получил пакет, предписывающий ему организовать доставку Грамаля в Лесфад своими силами. Прочитав, он долго матерился, и я поддерживал его во всем, до последнего слова. Но приказ есть приказ.

Само собой, я пытался избежать этого путешествия. Страх, что Грамаль не выдержит допроса и выложит князю все о медальоне, висящем у меня на шее, был сильнее чувства долга, что так старались привить нам сержанты. Но мне не помогли ни больной живот, ни природная лень. Помочь могло только чудо. Но, увы, оно не случилось. Капитан лично выволок меня из казармы за шиворот и швырнул к ногам Грамаля.

Поганый старикан улыбался. Он вытянул губы и пахнул в меня ароматом гниющих зубов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.